

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Журнал научных публикаций

Электронное научное издание

Выходит два раза в год

№ 1 (14)

Москва 2021

**INSTITUTE OF LINGUISTICS,
Russian Academy of Sciences**

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING

Electronic Journal

Published biannually

No. 1 (14)

Moscow 2021

ISSN 2218-1393

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

О. А. Гулыга

В. З. Демьянков

П. С. Дронов

А. В. Дыбо

Е. Р. Иоанесян (отв. редактор)

Д. Б. Никуличева

Н. М. Разинкина

Н. К. Рябцева

К. Я. Сигал

И. И. Чельшева

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katólicka univerzita v Ružomberku)

W. Mieder (University of Vermont).

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-14-1-4-15

Речевые практики в немецкоязычном социуме эпохи Реформации в аспекте лингвоцентричности

Н.С. Бабенко (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые явления и процессы, связанные с функционированием устных и письменных текстов в немецкоязычном социуме эпохи Реформации (начало XVI в.), получившем широкий доступ к печатному слову на национальном языке, что в условиях отсутствия единого немецкого языка способствовало вариативности речевых практик в широком коммуникативном диапазоне, охватывавшем как слои элитарных потребителей, так и профанную публику — в движении первых от форм ученой письменности к «народному» языку и в приобщении вторых к культуре письменного языка как средства публичной коммуникации.

Ключевые слова

Эпоха Реформации, М. Лютер, проповедь, устный язык, письменный язык, публичная коммуникация.

Введение

Историко-культурная ситуация, сложившаяся в Германии начала XVI в. на фоне событий Реформации, в значительной степени изменила не только содержание речевых практик, но и модусы существования текстов, их роль в освоении новых коммуникативных пространств. Весьма ярким примером, иллюстрирующим процессы расширения

коммуникативной активности под влиянием событий Реформации и усиления на этом фоне лингвоцентричных тенденций в вербальной деятельности участников коммуникации, может служить история вхождения в немецкоязычную словесную культуру текстов М. Лютера [Kotin 2018; Бабенко 2020]. Их историография свидетельствует о весьма бурном развитии коммуникативной деятельности в эпоху Реформации и об осознании роли лингвоориентированных факторов в достижении необходимого коммуникативного эффекта по отношению к потребителю информации [Mertens 2002]. Для верификации и детализации некоторых процессов, сопровождавших развитие и изменения коммуникации рассматриваемого периода, в статье анализируется группа текстов в жанре проповедей Лютера, посвященных вопросам брака (1519 г.), которые появились в самом начале реформаторского движения (1517 г.). В фокусе внимания находится эпизод историко-культурного профиля, сохранившийся в виде письменных свидетельств, который связан с языковой деятельностью Лютера. На примере этого эпизода довольно отчетливо вырисовываются некоторые важные детали бытования сопряженных друг с другом текстов, созданных в разных социокультурных обстоятельствах. Новым в данной статье является взгляд на лингвокультурную ситуацию в Германии XVI в. в фокусе двух сопряженных друг с другом направлений развития языковой коммуникации: коммуникации, направленной вверх, и коммуникации, направленной вниз. Их взаимодействие носило глобальный характер, находило отражение в фактах межнациональных трансферов текстов и определяло пути формирования немецкого национального литературного языка на начальном этапе его реального становления в новых социокультурных обстоятельствах, которые формировались на фоне событий Реформации, распространения книгопечатания, закрепления значимости авторства как фактора публичной дискурсивной деятельности, престижности грамотности, расширения медийной сферы и круга активных участников коммуникативных действий [Бабенко 2010].

Основная часть

16 января 1519 г., во второе воскресенье после Рождества в приходской церкви Виттенберга перед своей общиной выступал Лютер с проповедью о свадьбе в Кана. Традиционно в этот день говорилось о браке. Среди слушателей был студент, который в спешке записывал то, что говорил известный теолог. Через полтора месяца в Лейпциге появилась в напечатанном виде проповедь *Sermon von dem ehelichen Stand Doctoris Martini Lutter Augustiner zu Wittenberg*. На титульной странице герб гарантировал аутентичность текста. Лютер был к тому времени очень знаменит как автор 95 тезисов 1517 г.¹

Лютера много слушали, читали, печатали, его идеологической деятельностью интересовались. Он не относился к числу «писак» того времени; не был он продуктивным и как университетский чин. Лютер не практиковал ни полную запись своих проповедей, ни подготовку их краткого абриса². По всей видимости, он обходился рукописной записью на латыни или на смешанном немецко-латинском варианте языка, своеобразной шпаргалкой, которую он брал с собой на кафедру [Mertens 2002, 243].

Проповеди известных личностей считались значительными событиями с точки зрения риторической обработки текста и силы ораторского воздействия на аудиторию. В случае с проповеднической деятельностью Лютера новым был сам дискурс, учение, в котором резкой критике подвергалось господствовавшее тогда положение вещей. Соединение нового дискурса с соответствующей этому дискурсу языковой формой во многом определяло привлекательность и высокую эффективность воздействия текстов Лютера на читателей — как на его соратников и последователей, так и на противников и критиков, а также, в свою очередь, на издателей, которые охотно печатали столь востребованного автора и имели с этого коммерческий доход.

Проповедническая деятельность, широко практиковавшаяся в разные эпохи, являлась существенной частью жизни социума как церковный ритуал с использованием

¹ В 2017 г. 500-летний юбилей этого события широко отмечали в Европе и в России конференциями и публикациями [Kulturelle Wirkungen der Reformation 2018].

² Проповедь — это изначально событие устной коммуникации (*prae-dicare* ‘объявлять во всеуслышание’), но этот тип текста может существовать в разных формах: и устной, и письменной; в этом заключается специфика проповеди, что находит отражение в разных исторических ситуациях бытования подобных текстов.

обязательных элементов формы и содержания. Накануне Реформации этот вид церковной службы и ее участник подверглись резким нападкам и откровенному осмеянию со стороны Эразма Роттердамского, «главы европейской республики ученых», который в 1511 г. издал сатирический памфлет «Похвала Глупости» и вынес приговор довольно большому социальному слою богословов и монахов³. В одном из многочисленных сатирических пассажей Эразма, разоблачающих бесчестность, лицемерие, развращенность, невежество, обжорство, небрежение к наукам, презрение друг к другу, глупость, грубость, бесстыдство, самодовольство, показушность, в фокус критики попадает манерная риторизация публичных проповедей в устах богословов и монахов: «Какой комедиант или площадной крикун сравнится с ними, когда они разглагольствуют с кафедры, смехотворно подражая приемам и манерам древних риториков? Боже бессмертный, как они жестикулируют, как они ловко повышают голос, как пускают трели, как ломаются, какие строят гримасы, как воют на разные лады! И это искусство красноречия с великой таинственностью передается от одного братца-монаха к другому» [Роттердамский 1960, 80].

Лютер проповедовал с большой степенью учености и знания Священного писания, но он любил и грубое, выразительное «словцо», не стеснялся в выражениях и охотно обращался к пословичному материалу, то есть действовал в стилистике, типичной для кафедральных речей того времени. Тем не менее Лютер отличался вовсе не этими качествами своих речей, хотя он явно превосходил современников своим умением быть ярким оратором. Его преимуществом было идеологическое содержание речей: слушателей, читателей, особенно печатников привлекал не стиль текстов Лютера, а его идейные установки, облеченные в риторически эффектную форму с элементами разного рода развлечений. Риторика обнаруживалась скорее в особенностях использования языка, а не в построении речи, в членении на главное и второстепенное. Он нумеровал свои ассоциативно связанные мысли нередко без какой-либо иерархизации. Именно эти особенности дис-

³ Ср. наблюдение комментатора «Похвалы Глупости», что наибольшего накала и резкости сатира Эразма достигает в главах «о философах и богословах, иноках и монахах, епископах, кардиналах и первосвященниках (главы LI-LX)» [Пинский 1960, 132].

курса Лютера передает сделанная студентом запись устной проповеди, отличающаяся свободной формой без явных признаков отчетливого структурирования.

Лютер был определенно недоволен неавторизованной версией публикации (далее Т–1) и уже в мае 1519 г. опубликовал переработанный и исправленный текст на основе сделанной студентом записи (далее Т–2). В предисловии к своей публикации он выражает сожаление, что первая публикация его проповеди появилась без его ведома, тайком, называет переработанный им самим текст единственно легитимным и призывает пренебречь ненадежным текстом: *Bit ain yegklich frum mensch/wolt er die ersten außgegangen Sermon lassen vndergeen vnnd zu nichten warden* [Т–2, 5]. Кроме того, Лютер здесь же делает лингвоцентричное по своей сути замечание, что существует большая разница между живым голосом и мертвой записью: *Es ist ein groß unterschey, etwas mit lebendiger stimme adder mit todter schrift an tag zubringen* [Т–2, 5], то есть указывает на то, что в этих двух медиумах реализуются разные типы текста, и письменный текст имеет свои закономерности.

Опубликованная проповедь имела большой издательский (книготорговый и коммерческий!) успех, за два года издавалась 14 раз, была включена в собрание сочинений (Базель 1520), переведена на латынь, на нидерландский (1520) и на датский языки (1531). И, наконец, в слегка переработанном Стефаном Ротом, городским писарем г. Цвикау, виде была еще раз издана в 1528 г. с легитимировавшим перевод предисловием Лютера, где говорится, что Рот улучшил текст и он (Лютер) одобряет это, так как проповеди с его именем только украшают его учение [Mertens 2012, 244]. Актуальным текст проповеди Лютера 1519 г. был недолго, до 1522 г., а затем история издания прерывается, в том числе по той причине, что Лютер вскоре пересмотрел свое отношение к браку и более активно включился в дискуссии вокруг учения старой церкви.

Текст, опубликованный студентом [Т–1], воспроизводит в значительной мере устную фактуру публично произнесенной проповеди Лютера. Т–1 не является протоколом проповеди Лютера, но он в значительной степени отражает медийные особенности и

существовавшую в то время практику записи текста в процессе речи. Для студентов было привычным делом записывать текст по ходу лекции. Существовала определенная система записи слов, их сокращения и организации текста. Но были и индивидуальные варианты применения этой системы. Запись велась чаще всего на латыни, иногда с немецкими вкраплениями, в результате чего возникали смешанные тексты, где языки были представлены в разных пропорциях, а их выбор был мотивирован разными факторами и предпочтениями записывавшего текст лица. Напротив, печатный текст, выполненный на немецком языке по записям устной речи, был по сути переводным и обращенным к публике, не владевшей латынью. Лютер своим авторитетом содействовал процессу оперативного перевода на немецкий язык рабочей записи для личного пользования, и практика воспроизведения в записи стиля проповедника была вполне типичной в этой сфере. Лютер в своей версии текста проповеди редуцирует стилистику устности и выдвигает на первый план предмет проповеди, а не желание автора известными приемами привлечь к проповеди внимание публики.

Запись студента, как можно предположить, не убеждала Лютера в том, что она аутентична. Видимо, языковая форма текста не отражала в полной мере особенности языка самого Лютера, а была реконструкцией проповеди по весьма неточным записям, сделанным, как это было в ходу в студенческой среде, на смешанном — немецко-латинском языке с применением приемов скорописи; расшифровку записи он осуществил сообразно своему речевому опыту, который Лютер явно не принял.

Однако студент верно уловил явное отступление Лютера от условностей, которые заключались в соблюдении строгих риторических правил построения проповеди и прежде всего по части диспозиции, то есть расположения частей проповеди друг относительно друга. Соотношение частей, переход одной в другую носят спонтанный характер, что было в значительной степени свойственно Лютеру. Важно также, что проповедь не имеет Заключения, а обрывается на полуслове. Это связано не с тем, что у студента не хватило

сил для завершения записи, а объясняется манерой самого Лютера, который пренебрегал соблюдением риторических канонов⁴.

T-1 содержит множество признаков устности в разных ее проявлениях, свойственных публичной проповеди:

— цитирование коротких пассажей из Библии, святых отцов, ученых мужей («doctors»), ссылки на античных авторов;

— апелляция к личному опыту от первого лица — «Я»;

— обращения к слушателям во втором лице — «Ты»;

— использование пословиц и разговорных оборотов для оживления восприятия речи;

— обращение к примерам из обыденной жизни;

— включение ассоциативно связанных пассажей, характерных для спонтанной речи в ее свободном развитии;

— характерный для стилистической манеры Лютера отказ от абстрактных рассуждений в пользу конкретных примеров («concretivas») [Weithase 1961, 90];

— выдвижение на первый план мотива противопоставления плотского и духовного в рассуждениях о браке с акцентом на важности духовности в противовес греховности.

Устность сформирована в T-1 путем нанизывания односложных, нераспространенных предложений с элементами параллелизма в их строении:

(1) *Es ist umb sunst, das man wil vil regel machen, das die recht sollen zustimmen, man und weyb, die seel sey dan vor gereyniget. Es ist zweierley lyebe, eyn fleischliche unlustige liebe und eyn brauth lieb. Es ist kein groesser lieb, die dy muetter und die toechter haben ader der vater und der son...* [T-1, 214].

Наставительные по своему характеру высказывания воспроизводят устную спонтанную, синтаксически слабо структурированную речь, нагруженную разного рода соединительными элементами между предложениями:

⁴ Примечательно, что сравниваемые тексты не имеют формульных концовок, типа *dazu helfe uns Gott* или *das helfe er uns zu den ewigen gnaden* [Mertens 2002, 250].

(2) *Es ist eyn falsche lieb, das ist eynen umb gelts willen lieben, dann het er keyn gelt, ich ließ yn wol gehen. Aber das ich eynen um fruntschaft lieb hab ader das ich ein weyb liebe, darum das sy schoen ist, dann were sy gewlich, ich sech sy nicht an. Darumb fallen ymmer stueck herab, also ist die lieb vorgiff...* [Т–1, 214].

Синтаксически «рыхлые» предложения находятся в отчетливом контрасте со строго выстроенными цитатами из библейских источников:

(3) *Item man hat sant Paul also gefraget, ob einer ein weyb solt nemen, antwort er 'Ich hab keyn gebot, das ich eynen ein junckfraw heyß bleyben, es ist wol gut, wens eyner thun kan, das er sich enthalt, kan ym aber kein gebot geben: brueff sich ein ytzlicher selber, kan er sich nicht enthalten, so neme er ym eyn weyb und bleyb daran* [Т–1, 215].

Авторизация Т–1 самим Лютером имеет прямое отношение к медийной проблеме — переводу проповеди из условно устной формы (post-оральной) в письменный текст (ante-оральный). Т–2, как было сказано, прежде всего теряет признаки устности по всему формату текста. Лютер в Т–2 элиминирует вводную часть Т–1, указывающую на предмет проповеди как событие: *Man pflegt heut in dem ewangelio zu sagen von der ehe, darumb das Christus auff die Wirtschaft geladen wart, wolle wir auch dar von reden* [Т–1, 213] и выстраивает текст по образцу трактата (Schwitalla 2000) с выделением нескольких частей: *Czum ersten/Do got Adam geschaffen het...* [Т–2, 6]. Далее на коротких промежутках друг от друга следуют вторая (*Zum andrn*), третья (*Zum Dritten*) и четвертая части (*Zum Vierden*), систематизирующие рассуждения Лютера о предыстории грехопадения. Затем в той же стилистике трактата Лютер переходит к изложению трех пунктов, которые сформулировали ученые мужи. Тем самым нарочитая систематизация текста Т–2, которая отсутствует в Т–1, оказывается особенно яркой отличительной особенностью переработанного текста и сближает его стилистически с трактатом.

Издатели проповеди уловили эту «недоработанность» для целей чтения и вводили свои типографические уточнения: цифровые I–III, маргиналии (заметки на полях), особые указания в пассажах, где обобщается учение (*Der eelich statt/ein sacrament*), маникулы

(изображение человеческой руки в определенных местах как знак выделения цитаты) и пр.

В целом исправленный Лютером текст короче на шестую часть (177 строк в Т–2 против строк 210 в Т–1), так как в Т–2 отсутствуют отступления и примеры из жизни. Концентрация на *summa graeserti* («главная заповедь») вполне удачна, но, как считают исследователи, систематизация текста могла бы быть более последовательной [Mertens 2002, 248]. В Т–2, ориентированном на чтение, в отличие от Т–1, воспроизводящем атмосферу устности в письменном формате, обнаруживается иной характер использования рецептивных сигналов, фиксирующих переключение с одной темы на другую. В авторизованном тексте Лютера наблюдается преобладание констатирующих обобщений в довольно традиционном для христианской веры ключе, в довольно произвольной последовательности, но в языковой обработке, стилистически соответствующей письменной коммуникации, направленной по своему назначению вверх — для образованной публики, а не вниз — для читателя. Пассажи Т–2 отличаются разнообразием синтаксических моделей построения предложений, разветвленностью подчинительных и сочинительных связей, а также вариативностью инициальных элементов предложений:

(4) *Vnd wen Adam nit gefallen were/so were es das lieblichste ding gewesen/ brawt vn brawtgam/ Aber nu ist die liebe/auch nit reyn/dan wie wohl ein ehlich gemalh das ander haben will/so sucht doch eyn yglich seine lust an dem andern/vnd das felscht diese liebe. Derhalben der ehlich stand nu nit mehr rein vn an sund. Vnd die fleischliche anfechtung so groß vn wutend warden/das der ehlich stand/ hinfunder gleich ein spital der stechen ist/ auf das sie nit in schwerer sund fallen* [Т–2, 7].

В переработанном самим Лютером тексте наблюдается усиление наставительной риторики через прямое обращение к адресату и интонации убеждения:

(5) *Sieh vmb der ehr willen/das vormischungen/manes vn weibs/ ein so groß ding bedeut/muß der Eelich stand sulche bedeutniß geniessen/ das die bose fleischliche lust/ der*

niemand an ist/ in Eelicher pflicht/nit verdamlicht ist/die sunst auß̄erhalb der Ehe/ allerzeyt todlich ist/wan sie verbracht wirt [Т–2, 8].

Заключение

Коллизия, которая возникла вокруг устной проповеди Лютера и ее последующей авторизации, отражает существование в ранний период Реформации весьма острой ситуации лингвопрагматического характера, когда в условиях расширения публичности коммуникативной деятельности возникают вариации текстов, ориентированных на решение разных коммуникативных задач. М. Лютер как исключительная языковая личность своего времени лучше современников понимал, что языковая коммуникация обладает множеством регистров, которые отражают дифференциацию публики как по вертикали, так и по горизонтали: будь то ученый или «простой» человек, образованный нюрнбержец или неотесанный саксонец — каждому его учение должно быть доступно и понятно [Mertens 2002, 248].

Список источников и сокращений

Т–1 — Sermon von dem ehelichen Stand Doctoris Martini Lutter Augustiner zu Wittenberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitale.bibliothek.uni-halle.de/vd16/content/pageview/3256310>.

Т–2 — Ain Sermon von dem Eelichen Stand/verendert vnd corrigiert durch D.Martinu Luther Augustiner zu Wittenberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/hageview/684133>.

Литература

Бабенко Н.С. Раннее книгопечатание в Германии и его роль в развитии форм коммуникации//Язык. Закономерности развития и функционирования. Сборник к юбилею Натальи Николаевны Семенюк. Москва-Калуга: Эйдос, 2010. С. 255—271.

Бабенко Н.С. «Послание о переводе» М. Лютера (1530) в двух аспектах истории немецкого языка: критика языка (Sprachkritik) и практика языка (Sprachgebrauch)//М.:Mit

rade unde dade. Сборник научных статей к юбилею Екатерины Ричардовны Сквайрс. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 103—115.

Пинский Л.Е. Послесловие: Эразм и его «Похвала Глупости» // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости (перевод П.К. Губера). М.: Художественная литература, 1960. С. 113—139.

Роттердамский Эразм. Похвала Глупости (перевод П.К. Губера). Художественная литература. М.: Художественная литература, 1960.

Kotin M. *Ex sola fide?* Ein Beitrag zu linguistischen Aspekten der Diskussion in Luthers *Sendbrief vom Dolmetschen* aus der Sicht der modernen kontrastiven Linguistik//Jahrbuch für germanistische Sprachwissenschaft, 9.De Gruyter. Berlin/Boston, 2018. S. 106—116.

Kulturelle Wirkungen der Reformation. Cultural Impact of the Reformation. Kongressdokumentation Lutherstadt Wittenberg. August 2017. Zwei Bde. Evangelische Verlagsanstalt. Leipzig, 2018.

Mertens V. Schwellentexte autorzentrierter Predigten im 16. Jahrhundert // Textsorten deutscher Prosa vom 12.—13. bis 18. Jahrhundert. Hg. v. F. Simmler. Bern, 2002. S. 243—256.

Schwitalla J. Wandlungen eines Mediums. Sprachliche Merkmale öffentlicher Briefe von Laien in der Reformationszeit//Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gernard Lerchner. Hrsg.v. Irmhard Barz, Ulla Fix, Marianne Schröder und Georg Schuppener. Peter Lang. Frankfurt a.M. etc., 2000. S. 261—279.

Weithase I. Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache. I. Tübingen, 1961.

Speech practices in the German-speaking Society during the Reformation in the aspect of linguocentricity

N.S. Babenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The article discusses some of the phenomena and processes associated with speech and written texts in the German-speaking society of the Reformation (early 16th century) when it received wide access to a printed text in the national language. In the absence of a unified German language this has contributed to the variability of speech communicative practices in a

wide range, covering from elite to vulgar audience, as the former shifted from academic forms to “people’s” vernacular and the latter was introduced to the written language culture as a means of public communication.

Keywords: Reformation, Luther, sermon, oral language, written language, public communication.

**Фразеология и паремиология во времена ковида: англоязычные пословицы
в Coronavirus Corpus¹**

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье анализируется влияние пандемии SARS-CoV-2 на англоязычную паремиологию. На материале нового коронавирусного корпуса английского языка исследуются метаязыковое употребление (как правило, с предшествующей формулой *как гласит пословица*) и случаи варьирования уже существующих пословиц (на примере двух, *Handsome is as handsome does* и *Adversity/politics makes strange bedfellows*). Метаязыковое употребление может сопровождаться дополнительными пояснениями фразеологического значения или внутренней формы. Как правило, парентетические конструкции типа *как гласит пословица* вводят иноязычные и инокультурные пословицы. Эти конструкции служат для указания на то, что пишущий лишь цитирует некий прецедентный текст, подходящий по тематике статьи. Делается вывод о том, что эпидемиологическая обстановка и существующие реалии отражаются в лексико-грамматических изменениях пословиц и вариантах фразеосхем.

Ключевые слова

Пословицы; фразеосхемы; метаязыковое употребление (*hedges*); Coronavirus Corpus.

Введение

Пандемия COVID-19 повлияла на все сферы человеческой жизни и, конечно же, на язык, см., об активных процессах в лексике и словообразовании русского языка в эпоху коронавируса работу [Радбиль, Рацибурская, Палоши 2021]). Соответственно, она в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00239а «Паремии в пространстве современных американских массмедиа».

том или ином виде отразилась на фразеологии: ср. приводимые в указанной статье модификации идиом и прецедентных текстов типа *У ковида женское лицо?*; *Ковид крепчает* [Там же, 70].

Данная работа посвящена употреблению пословиц в текстах, так или иначе связанных с коронавирусом. Материалом исследования является англоязычный “Coronavirus Corpus” [CORONA], созданный в Университете им. Бригема Янга (Brigham Young University, г. Прово, штат Юта) под руководством М. Дэвиса (Mark Davies). Данный корпус охватывает все англоязычные средства массовой информации из англоговорящих стран (как тех, в которых английский является родным языком для основной части населения, так и тех, где английский является государственным, но играет роль лингва-франка — например, Малайзии и Нигерии). Корпус нельзя назвать в полной мере репрезентативным, поскольку он охватывает исключительно письменные тексты публицистического стиля, однако несомненным его достоинством является то, что в нем представлены все варианты английского языка. Следует дополнительно отметить, что в корпус включены статьи не только о самой эпидемии как таковой (с соответствующими фразеологизмами наподобие *to straighten the [epidemiological] curve* ‘выпрямить [эпидемиологическую] кривую’ — аналог рус. *выйти на [эпидемиологическое] плато*), но также о явлениях, связанных с нею опосредованно, например, о росте популярности онлайн-кинотеатров и премьерных фильмов и сериалов в них.

Цели и задачи статьи

В данной статье пословицы рассматриваются в двух аспектах — с одной стороны, в метаязыковом употреблении, а с другой — в аспекте возможных лексико-грамматических изменений. Лексико-грамматические изменения традиционно интересуют многих фразеологов [Диброва 1979; Добровольский 2007; Телия 1972] и паремиологов [Селиверстова 2017; Kuusi 1966]. Исследование метаязыкового употребления фразеологических единиц также имеет довольно долгую историю — ср., например, [Dobrovol’skiĭ, Lûbimova 1993; Lakoff 1973]. Метаязыковое употребление идиом, сопровождающееся

parenтезами типа рус. *как говорится, что называется, как говорят в народе* или нем. *wie man so schön sagt*, указывают на некое переключение кодов: говорящий вставляет их перед употреблением иноязычных или будто бы несвойственных ему слов и выражений, выдавая свое употребление за цитацию („Die Bedeutungsexplikation entsprechender МКА kann auf den folgenden prozedursemantischen Kern zurückgeführt werden: ‚Achtung! Ich zitiere“). ‘Экспликация значения соответствующего метакоммуникативного высказывания может быть сведена к следующему семантическому ядру: «Внимание: я цитирую»’ [Dobrovol’skij, Lûbimova 1993, 153]). Кроме того, есть еще один способ метаязыкового употребления, когда говорящий или пишущий акцентирует внимание на том, что употреблена именно идиома, а не свободное сочетание, например: *So I’ll jump up and down on his metaphorical toes and see what happens*. ‘Тогда я буду прыгать вверх-вниз по его метафорическим пальцам ног и посмотрю, что произойдет’ [BNC]. Здесь метаязыковое употребление идиомы *to thread/step on sb’ toes* (эквивалента рус. *наступить кому-л. на [любимую] мозоль*) обусловлено вводом в его состав прилагательного *metaphorical*. Кроме того, идиома подвергнута лексической модификации: ее глагольный компонент заменен на конструкцию *jump up and down*, и это меняет все фразеологическое значение идиомы.

Метаязыковое употребление пословиц в коронавирусном корпусе

Рассмотрим метаязыковое употребление пословиц в корпусе [CORONA]. Можно предположить, что в качестве метакоммуникативного обрамления, или *hedges* по Дж. Лаккоффу, служит парентетическая конструкция, содержащая то или иное наименование пословицы: *proverb*, *parable* ‘притча’, *popular saying* ‘изречение’. Сразу следует сделать оговорку: Судя по данным корпуса, слово *parable* не служит для ввода пословиц и используется только в отсылках к неким общеизвестным прецедентным текстам, наподобие *the Parable of the Good Samaritan* ‘притча о добром самаритянине’. В то же время возможно развитие аналогий с этими прецедентными текстами, метаязыковое и, в каком-то смысле, металитературное употребление, ср. упоминание притчи о добром самаритянине в (1):

(1) *Insisting on religious gatherings at this time, when the virus is surging, is morally wrong. It is analogous to the justification that the priest and the Levite in the parable of the Good Samaritan might have given for not helping the wounded man by the wayside: claiming that pressing spiritual needs were more important than saving the wounded man's life. As Pope Francis reminds us in "Fratelli Tutti," the parable "shows that belief in God and the worship of God are not enough to ensure that we are actually living in a way pleasing to God". 'Сейчас, когда вирус находится на подъеме, настаивать на религиозных собраниях аморально. Это все равно что оправдывать то, что священник и левит из притчи о добром самаритянине не помогли израненному человеку, лежавшему на обочине, на том основании, что насущные духовные потребности важнее, чем спасение жизни раненого. Как напоминает нам папа Франциск в энциклике "Fratelli tutti", эта притча «показывает, что для того, чтобы наша жизнь была угодна Богу, одного исповедания веры в Господа недостаточно»' (The American Magazine; US (20-12-25) [CORONA].*

Пословицу, как правило, вводят конструкции наподобие *there is a proverb/popular saying [that says]* 'есть пословица, [которая гласит]'. Их ввод контекстуально обусловлен, ср.:

(2) *This whole situation reminds me of that old proverb: Fool me once, shame on you. Fool me twice, shame on me. There is no way in the world I am voting for this lunatic again. Not a chance in hell. 'Вся эта ситуация заставляет вспомнить старую пословицу: обманешь меня раз — позор тебе, обманешь два раза — позор мне. Чтоб я еще раз голосовал за этого психа — да никогда в жизни, черт возьми!' (Chicago Tribune: US (20-05-26)) [CORONA].*

В примерах могут встречаться дополнительные пояснения фразеологического значения или внутренней формы (подчас излишне подробные, как, например, детальное описание того, в каких ситуациях используется пословица *One bad apple can spoil the whole bunch*. 'Одно гнилое яблоко всю кучу яблок испортит'). В то же время пояснение может указывать только на происхождение поговорки, ср. отрывок (3) из статьи о сериале

«Голос перемен» (*Small Axe*, букв. ‘Маленький топор’). Как в цитате, так и в названии сериала дается отсылка к ямайской поговорке *If you are the big tree, we are the small axe*. ‘Если вы большое дерево, то мы — маленький топор’.

(3) *McQueen captures young people of Caribbean heritage pushing back against the established and bigoted norms of conservative English society. It's apparent in how Black people walk, talk and how they dress. They determine style according to a code; most obvious are the flecks of ites, gold and green throughout the series. “The style in ‘Small Axe’ is a small axe itself,” McQueen said, summoning the African proverb, popularized by Bob Marley and the Wailers in 1973. ‘Стив Маккуин показывает, как молодежь карибского происхождения сопротивляется установившимся расистским нормам консервативного британского общества. Это хорошо видно по походке, манере речи и одежде чернокожих. Они определяют свой стиль в соответствии с кодом; самые очевидные проявления — встречающиеся повсюду в сериале пятна веселых цветов, золотого и зелени. «Стиль “Маленького топора” — сам по себе маленький топор», — сказал Маккуин, отсылая к африканской поговорке, которую популяризировал ансамбль Боба Марли’ (Los Angeles Times: US (20-12-19)) [CORONA].*

Как правило, подобные парентетические конструкции вводят иноязычные и инокультурные поговорки. Эти конструкции, как и в случае с метаязыковым обрамлением у идиом, служат для указания на то, что пишущий лишь цитирует некий прецедентный текст, подходящий по тематике статьи. Этот прецедентный текст может быть использован в качестве эпиграфа с дальнейшим развитием образа в его основе (4a), а также предварять некую новую информацию (4b).

(4) a. “A society grows great when old men plant trees in whose shade they know they shall never sit.”— Greek Proverb. COVID-19 is not the first pandemic, nor will it be the last. <...> *In the face of such threats, America has an exceptional history of perseverance and of “planting trees” for the future.* ‘Общество достигает высот, когда старики сажают деревья, знаю, что под их сенью им не сидеть. Греческая поговорка. Пандемия Covid-19 — не

первая и не последняя. <...> Перед лицом подобных угроз Америка обладает исключительным опытом упорства и «сажания деревьев» ради будущего’ (Forbes: US (20-12-30)) [CORONA]. **b.** *For some, that approach to the epidemic more broadly is reassuring. There’s a popular saying here that the less you know, the better you sleep. “We don’t want to hear more, it’s frightening,” Ksenia, an ice cream seller in a Moscow suburb explained. “We know we have to wash our hands and not go out too much, but people are already buying up everything in the shops and it’s scary,” she said.* ‘Некоторых столь широкий подход к эпидемии обнадеживает. Здесь в ходу такое выражение: *меньше знаешь — крепче спишь.* «Мы не хотим больше об этом слышать: страшно, — объясняет Ксения, мороженщица на окраине Москвы, — Мы знаем, что надо мыть руки и не надо слишком часто выходить на улицу, но люди уже скупают в магазинах все, и это пугает»’ (BBC: GB (20-03-22)) [CORONA].

Пословицы при этом даются в переводе на английский (или, по крайней мере, сопровождаются переводом). В редких случаях они оставляются без перевода. Это объясняется тем, что английский не является родным для значительной части целевой аудитории, и авторы цитируют поговорку на одном из распространенных местных языков, ср. (5).

(5) *Politicians are in no position to lecture us about not creating division or not to incite, because they are the prime culprits. “Baling batu sembunyi tangan” is a Malay proverb which aptly describes our politicians, Mahathir included.* ‘Политики не имеют права учить нас тому, что не надо разжигать рознь и разногласия, потому что сами и есть главные виновники этой розни. наших политиков, включая Махатхира, отлично описывает малайская поговорка *Baling batu sembunyi tangan* ‘кидает камень — прячет руку’’. (Malaysia: MY (20-01-30)) [CORONA].

Лексико-грамматические изменения пословиц

Отдельно рассмотрим лексико-грамматические изменения поговорок в коронавирусном корпусе на примере двух пословиц. Первая из них — *Handsome is as handsome does* ‘О человеке судят по его поступкам’ (букв. ‘красив тот, кто красиво поступает’), имеющая целый ряд вариантов: *Pretty is as pretty does, Beauty is as beauty does*, а также

«гампизм» *Stupid is as stupid does* ‘О глупости судят по делам’. Подробнее об особенностях ее употребления см. [Дронов 2020]. Вариант *stupid is as stupid does*, как с упоминанием фильма «Форрест Гамп», так и без него, является самым распространенным (одиннадцать из двадцати одного примера употребления пословицы; в одном случае *stupid* дифемистически заменено на *dumbass*) и встречается при обсуждении карантина и самоизоляции весной 2020 г., а также случаев их нарушения. Еще в 6 примерах употребляются компоненты *handsome* (пять из шести) и *pretty*. В остальных случаях прилагательные заменяются на новые, в результате чего модифицируются и образная составляющая, и фразеологическое значение, причем эти изменения оказываются контекстуально обусловлены происходящими событиями: *maskless is as maskless does* (букв. ‘без маски тот, кто без маски себя ведет’), *feminism is as feminism does* ‘феминизм — это то, что действует по-феминистски’, *Boris is as Boris does* ‘Борис всегда ведет себя так’ (букв. ‘Борис тот, кто ведет себя как Борис’, о министре). Например, *Maskless is as maskless does* — отсылка к тому, что Рудольф Джулиани, представляющий Дональда Трампа в вопросе оспаривания президентских выборов, заразился коронавирусом в декабре 2020 г. после того, как пришел на судебное заседание без маски:

(6) *So the infamous Mayor Giuliani got stricken with coronavirus! So, God is swift and has a sense of humor! Maskless is as maskless does!* ‘Итак, печально известного мэра Джулиани поразил коронавирус! Значит, Господь действует стремительно, и у Него есть чувство юмора! Без маски тот, кто без маски себя ведет’ (Daily News: US (20-12-10)) [CORONA].

В целом, пословица допускает достаточно широкое варьирование (в том числе в текущих реалиях) для того, чтобы ее можно было записать как *X is as X does*.

Вторая пословица — это *Adversity/politics makes strange bedfellows* ‘Беда / политическая деятельность способна сделать союзниками совершенно противоположных людей’ (букв. ‘Беда/политика порождает странных партнеров/союзников/людей, живущих в одной постели’). В [Litovkina, Mieder 2006] приводятся антипословицы, т.е. пословичные

дериваты, основанные на языковой игре и/или грамматических трансформациях, ср. клефтовую конструкцию в *The bedfellows politics makes are never strange. It only seems that way to those that have not watched the courtship*. ‘Партнеры, которых создает политика, ни- когда не бывают странными. Так кажется только тем, кто не наблюдал за процессом уха- живания’ [Там же, 260—261].

В коронавирусном корпусе обнаруживаются 13 примеров употребления этой по- словицы, причем с именными компонентами *politics* и *adversity* она употребляется по два раза. Судя по остальным примерам, идиома допускает широкое варьирование именных компонентов, например: *Normally these two would have competing interests but a crisis makes strange bedfellows*. ‘В обычной ситуации у этих двоих был бы конфликт интересов, но кризис порождает странных союзников’ (iPolitics: CA (20-03-20); CORONA). Ср. также (7):

(7) *The National has always kept close guard over their multi-camera transcriptions of their productions – which have been shown in cinemas around the world but never released on DVD – but world-destroying and world-transforming viruses make strange bedfellows*. ‘Наци- ональный театр всегда усиленно охранял телезапись своих спектаклей, которые демон- стрировались в кинотеатрах по всему миру, но никогда не выпускались на DVD, — одна- ко вирусы, уничтожающие и изменяющие мир, порожают странных партнеров’. (The Saturday Paper: AU (20-04-25)) [CORONA].

Сама структура данного устойчивого словосочетания тоже может варьироваться: *In his screenplays vengeance and justice made easy bedfellows* (букв. ‘В его сценариях от- мщение и справедливость порождали легких союзников’) (The New European: GB (20-04- 30)) [CORONA]. *Marcus Rashford continues to ignore the rule that football and politics make uneasy bedfellows*. ‘Маркус Рашфорд по-прежнему не придерживается правила: футбол и политика порождают ненадежных союзников’ (The New Paper: SG (20-06-16)) [CORONA].

Тем не менее, несмотря на все варьирование, во всех примерах мы видим одну и ту же структурную модель как в плане выражения, так и в плане содержания: *X [and Y] make Z bedfellows*. В таком виде пословице можно дать толкование: ‘между X и Y существует некая связь Z, вызванная их свойствами’. Соответственно, и *X is as X does*, и *X [and Y] make Z bedfellows* следует считать фразеосхемами по Д.Н. Шмелеву.

Выводы

В целом, анализ контекстов употребления пословиц в корпусе [CORONA] выявил несколько особенностей.

Во-первых, парентезы типа *there is a proverb*, как правило, вводят иноязычные пословицы (последние обычно даются в переводе). Их употребление является, скорее, контекстно-зависимым. Метакоммуникативная составляющая сводится, прежде всего, к цитации («Внимание: я цитирую») и лишь в некоторой степени к переключению кодов — ср. пояснение происхождения пословицы в (4а).

Во-вторых, в корпусе текстов, связанных с эпидемиологической обстановкой, отражаются актуальные языковые изменения. В частности, можно говорить, что две проанализированные пословицы — *Handsome is as handsome does* и *Adversity/politics makes strange bedfellows*, фактически стали фразеосхемами. Было бы ошибкой считать, что это превращение не произошло ранее (беглый поиск в других корпусах — таких, как [BNC], показывает похожие изменения), однако данные коронавирусного корпуса [CORONA] наглядно демонстрируют, что переменные в этих выражениях (*X is as X does*, *X and Y make Z bedfellows*) могут заполняться самыми разными именными компонентами на злобу дня.

Список сокращений

BNC — Davies, M. (2004). British National Corpus (from Oxford University Press) // <https://www.english-corpora.org/bnc>.

CORONA — Davies, M. (2020). Coronavirus Corpus // <https://www.english-corpora.org/corona>.

Литература

1. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-н/Д, 1979.
2. Добровольский Д.О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы // Русский язык в научном освещении, № 2 (14). М., 2007. С. 18—47.
3. Дронов П.С. *Actions speak louder than words, Stupid is as stupid does*: лексико-грамматические изменения пословиц в американской публицистике и речевом общении Интернета // Rhema. Рема. 2020. № 3. С. 9—21.
4. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог, № 2021 (1). С. 63—79 // <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>.
5. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
6. Телия В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 30—69.
7. Dobrovol'skij, D., Lûbimova, N. «Wie man so schön sagt, kommt das gar nicht in die Tüte». Zur metakommunikativen Umrahmung von Idiomen // Deutsch als Fremdsprache 30/3, 1993. S. 151—156.
8. Kuusi M. Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Struktur-analyse // Proverbium, 5, 1966. S. 97—104.
9. Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic 2, 1973. P. 458—508.

10. Litovkina, A. T., Mieder, W. *Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs*. Burlington: The Vermont University; Veszprém: The Pannonian University, 2006.

Figurative language in the time of Covid: English (Anglo-American) proverbs in the Coronavirus Corpus)

P.S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper deals with the influence of the COVID pandemic on the English (not specifically Anglo-American) paremiology. Based on the novel Coronavirus Corpus compiled by Mark Davies' team, the paper analyses metalinguistic use of proverbs (usually preceded by the parenthetic formula *there is a proverb that says*), as well as their variability exemplified by that of two proverbs, *Handsome is as handsome does* and *Adversity/politics makes strange bedfellows*. The primary conclusion is that the epidemiological crisis is reflected in lexicogrammatical changes of proverbs and in variants of phraseoschemata.

Key words: proverbs; phraseoschemata; metalinguistic use (hedges); Coronavirus Corpus.

«Свой» среди «чужих», или Потенциал термина в системе (на материале терминологии новой версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН)

А.К. Зотова, О.И. Романова (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования ряда лингвистических терминов в составе терминосистемы новой desktop-версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН, их связь с синонимами и эквивалентами в составе других терминосистем, в частности представленных в энциклопедическом издании «Языки мира» ИЯз РАН. Материал может представлять интерес для специалистов в области прикладной лексикографии и лингводидактики.

Ключевые слова

База данных, лингвистическая терминология, терминосистема, языки мира.

База данных «Языки мира» ИЯз РАН (далее — БД) была задумана и создавалась в качестве специализированного информационного ресурса, содержащего лингвотипологическую информацию об отдельных языках, группах и семьях языков в виде унифицированных формализованных описаний (рефератов). За годы своего существования БД претерпела несколько этапов усовершенствования, последние из которых связаны, главным образом, с адаптацией к возможностям Интернета и созданием компактной desktop версии. Создание лингвистического контента этой версии представляет собой переработку содержательной информации статей энциклопедического издания «Языки мира». Объем, исходный вид и структура основного элемента БД — модели реферата — претерпели значительные изменения, которые включали в себя несколько этапов. Более ранний вариант был переходным от текста статей энциклопедии с сохранением полного формата принятых в издании типовых схем описания языков. Несмотря на то, что он содержал изме-

ненные (*место образования* → *локальный ряд*) и/или сокращенные названия ряда позиций, в нем сохранялась общая с энциклопедическим изданием «Языки мира» последовательность и иерархия элементов описания, то есть разделов и подразделов. Например, позиция 2.1.3. ФОНЕТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ (БД), объединяла в себе три раздела (2.1.1. фонемный состав, 2.1.2. просодический состав и 2.1.3. позиционная реализация фонем), которые входили в состав общей позиции 2.1.0. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ схемы II в энциклопедическом издании [Зотова 2017].

В настоящей статье мы рассматриваем последнюю версию БД, основным структурным элементом которой является новый формат структурной единицы БД, получившей рабочее название «анкета признаков». Такой формат кардинально отличается от предшествующих вариантов представления данных о языке. В первую очередь, он более чем в два раза короче: соотношение общего числа строк модели реферата (3821) и строк анкеты (1756) составляет приблизительно 2:1. Этот объем в свою очередь уменьшается по мере заполнения анкеты и может иметь весьма компактный вид, в зависимости от объема данных, содержащихся в статьях энциклопедии, написанных авторами в соответствии с четырьмя типовыми схемами: от более объемной (о семье языков, группе языков или группе диалектов) до самой краткой объемом менее 0,5 а.л. (о мертвых или малоизученных языках). Анкета имеет менее сложную иерархическую структуру — всего один уровень подчинения, то есть детализации сведений. Такая структура призвана сделать поиск данных быстрым и эффективным. Однако изменение формата оказалось связано с рядом вопросов практического и теоретического характера, одним из которых является использование общепринятой vs. более узкой специальной лингвистической терминологии в новом формате БД. В настоящей работе мы хотим на ряде примеров более внимательно присмотреться к особенностям терминологии, используемой в анкете, и проблемам, связанным с корреляцией и адаптацией к ней терминологии, используемой авторами статей о языках в энциклопедии «Языки мира».

Материалом исследования данной статьи является содержание позиций, относящихся к фонемному составу, фонологии, морфонологии и некоторых других разделов анкеты, которые могут быть связаны друг с другом благодаря тому, что в них те же или родственные им термины функционируют в ином окружении.

Версия этих позиций в анкете признаков новой версии БД имеет следующий вид:

А-1. Количество степеней подъема:

Две

Три

Четыре

Other

Commentary:

А-2. Подъемы гласных

Верхний и нижний

Верхний и средний

Верхний, средний и нижний

Верхний, верхне-средний, средний и нижний

Верхний, верхне-средний, нижне-средний и нижний

Other

Commentary:

А-3. Ряды гласных

Линейная система

Передний и задний

Средний и задний

Передний, средний и задний

Other

Commentary:

А-4. Фонологические ступени долготы

Фонологические ступени долготы отсутствуют

Две ступени

Три ступени

Четыре ступени

Other

Commentary:

А-5. Противопоставление гласных по лабиализации

Противопоставление гласных по лабиализации отсутствует

В переднем ряду

В среднем ряду

...

В переднем, среднем и заднем рядах

Other

Commentary:

А-6. Противопоставление гласных по назализации

Противопоставление гласных по назализации отсутствует

В переднем и заднем рядах

...

В переднем, среднем и заднем рядах

Other

Commentary:

Эта схема в принципе не противоречит формату типовых схем, согласно которым написаны статьи в энциклопедическом издании «Языки мира». И тем не менее хотелось бы обратить внимание на несколько моментов.

Первый, и один из самых любопытных с точки зрения используемой терминологии, касается полной или частичной синонимии терминов. Например, термин *раствор* вместо общепринятого термина *подъем* при описании болгарского языка [Языки мира 2017, 82]. Этот термин не используется при описании языков других языковых семей и восходит к характеристике *физиологической стороны* произнесения гласных звуков, описанной Л.В. Щербой [Щерба 1983, 55]. Термин отражает интерпретацию признаков гласных звуков болгарского языка автором статьи в энциклопедии. Нужно сказать, что, несмотря на наличие четырех вариантов типовых схем, которые использовались для описания языков, статьи в энциклопедии являются авторскими научными работами, и это допускает вариативность подходов к трактовке языковых явлений, в том числе вариативность терминологии. Конечно, это затрудняет формализацию содержания статей для представления ее в виде анкет БД, но таково положение дел.

Другой пример — один из вариантов термина *подъем* и его эквивалентов, терминов *закрытость* и *открытость*, используемых для характеристики гласных по этому признаку. В описаниях языков эти термины чаще всего встречаются в комментариях к приводимым схемам вокализма. В ряде случаев терминологическая классификация гласных по признакам *подъем* и *ряд* может отсутствовать. Например, в статье «Шугнанский язык» сложная система вокализма со свойственной большинству иранских языков неустойчивостью гласных присутствует в виде описания основных вариантов, которые характеризуются комбинированными изменениями по ряду и подъему — продвинутостью вперед и заменой наиболее широких вариантов нижнего подъема более *узкими*, при сохранении *более открытых* гласных [Языки мира 2000б, 228—229].

Специфичность фонетических характеристик отдельных гласных звуков описывается в энциклопедии с использованием знаков фонетической транскрипции, например:

«нелабиализованный краткий гласный заднего продвинутого вперед ряда широкой разновидности среднего подъема /ʌ/» [Языки мира 2000а, 51].

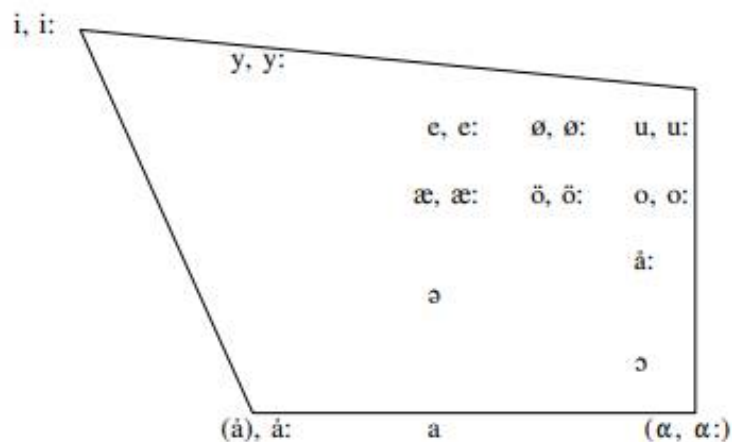
Учитывая перспективы дальнейшего совершенствования и развития БД «Языки мира» и создания ее англоязычной версии, важно отметить, что в качестве эквивалентов термина *подъем* в английском языке могут использоваться как существительное *rise*, так и прилагательные *close* ‘закрытый’ и *open* ‘открытый’ [CED; OED], употребляемые изолированно или в составе комбинированных терминов (например, *close-mid/near close*), которые характеризуют гласные верхнего и нижнего подъема соответственно [Roach 2004, Cruttenden 2014]. В описании фонологии в издании «Языки мира» гласные характеризуются в терминах, принятых в русской лингвистической традиции для обозначения подъема (верхний — средний — нижний), и термины МФА для артикуляционных характеристик гласных (открытость/закрытость) не используются. Однако применительно к другим языкам эти характеристики нельзя не отметить. Например, термины *закрытый* и *открытый* характеризуют важнейшую оппозицию гласных в пределах признака *подъем* и являются элементами традиционной терминосистемы описания вокализма романских языков [Языки мира 2001].

В ряде статей, посвященных описанию вокализма германских, кельтских и иранских языков, используются особые графические схемы. Такие схемы отражают попытки авторов наиболее адекватным образом представить качественный диапазон гласных фонем в этих языках. Схемы имеют вид симметричных или ассиметричных геометрических форм различной конфигурации с разным количеством вершин, пунктирных линий и стрелок. Например, в статьях «Талышский язык» [Языки мира 1999б, 91] и «Белуджский язык» [Языки мира 1999б, 32] стрелками и пунктирными линиями показан качественный диапазон гласных, где противопоставление по признаку долгота/краткость коррелирует с противопоставлением по признакам сильный/слабый и устойчивость/неустойчивость.

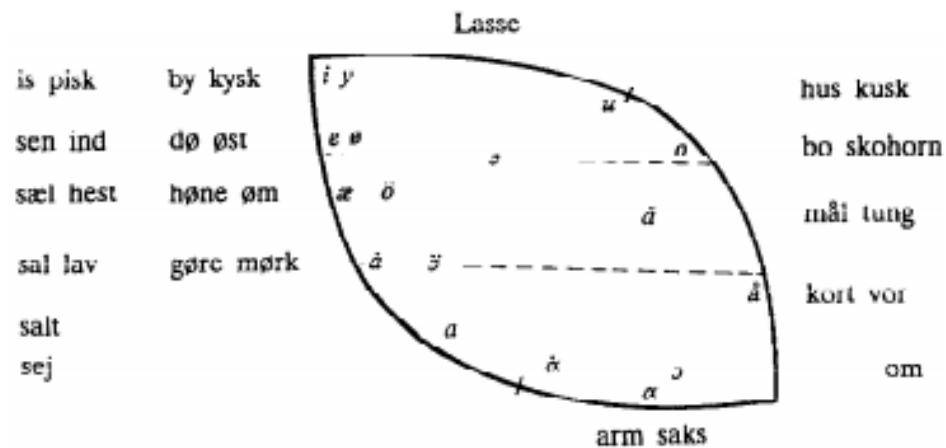
В текстах статей такие схемы могут приводиться без терминологической интерпретации качественных признаков фонем — ряд, подъем, огубленность и др., которые

необходимо отразить в анкете БД. В комментарии (если он есть) может содержаться информация о количественных признаках гласных — оппозиции по долготе/краткости, наличии сверхкратких или редуцированных звуков и др. Системы вокализма в этих языках сложны и/или динамичны как в диахронном, так и синхронном состоянии.

При отсутствии однозначной трактовки специалистами могут приводиться несколько изображений из разных источников, например, в случае с системой вокализма в датском языке:

или

[Языки мира 2000a, 131—132].

Выше мы отметили, что при всем разнообразии систем и особенностей вокализма языков, схема их описания в анкете в целом практически не противоречит формату типо-

вых схем энциклопедического издания «Языки мира». Во многом иначе обстоит дело с описанием согласных.

Позиции анкеты, формирующие консонантный портрет языка, включают ряд разделов, которые в силу ограниченного формата данной статьи мы приводим в сокращенном виде:

A-11. Инвентарь шумных согласных по ларингальным признакам

Есть противопоставления по отсутствию/наличию голоса

Есть противопоставления по аспирации

Есть глоттализированные согласные

Есть щелкающие согласные

Есть геминированные согласные

...

Other

Commentary:

A-12. Инвентарь шумных согласных по способу артикуляции

Взрывные и фрикативные

Взрывные и аффрикаты

Взрывные, фрикативные и аффрикаты

Other

Commentary:

A-13. Инвентарь шумных согласных по месту образования

Губные, переднеязычные и заднеязычные

Губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и постувулярные

Губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные

...

Губные, переднеязычные, заднеязычные и постувулярные

Other

Commentary:

A-14. Инвентарь шумных губных согласных по месту образования

Только билабиальные

Билабиальные и лабиодентальные

Other

Commentary:

A-15. Шумные переднеязычные согласные по месту образования

Дентальные

Интердентальные

Постальвеолярные

Ретрофлексные

Дентальные и альвеолярные

...

Дентальные и ретрофлексные

Дентальные и альвеопалатальные

Дентальные, интердентальные и альвеолярные

...

Дентальные, препалатальные и альвеопалатальные

Other

Commentary:

A-16. Шумные заднеязычные согласные по месту образования

Велярные

Лабиевелярные

Увулярные

Велярные и лабиевелярные

...

Other

Commentary:

A-17. Шумные постувулярные согласные по месту образования

Только фарингальные

Только глоттальные

Фарингальные и глоттальные

Other

Commentary:

В последующих позициях характеризуются дополнительные артикуляционные особенности шумных согласных по ряду признаков, в частности:

A-18. Дополнительные артикуляционные противопоставления шумных согласных

Отсутствуют

По лабиализации

По назализации

По палатализации

По фарингализации

...

Далее эти признаки следуют в различных комбинациях. В совокупности содержание этих позиций должно дать более детальное представление о согласных как по признаку места образования, так и по способу артикуляции. Однако во многих случаях такая классификация не совпадает со схемами описания согласных в статьях энциклопедии, и не всегда точно и во всей полноте отражает специфику консонантной

системы того или иного языка. Так, например, не всегда однозначно удастся классифицировать такой параметр, как *придыхательность*, поскольку он может быть определен авторами статей как признак системной оппозиции согласных фонем. С одной стороны, это дает основание включать этот признак в позицию А-11 анкеты БД (противопоставление по аспирации). С другой стороны, *придыхательность* может являться частью описания дополнительных артикуляционных противопоставлений шумных согласных в позиции А-18, или типом фонации в позиции В-14. Во многом сходной является ситуация с непротиворечивой трактовкой терминов *палатализованный/непалатализованный* и *палатализация* в составе тех же позиций.

Описания систем консонантизма в статьях энциклопедии включают в себя использование более узких терминов, специфичных для конкретного языка или группы языков. Такие термины позволяют охарактеризовать целый ряд признаков фонем с учетом нескольких уровней их соподчинения и представить наиболее детальную информацию (в том числе количественную, если фонема единична и уникальна). Формализация этих данных при переходе к парадигме анкеты требует тщательного анализа текста статей и терминологии, а также схем и комментариев к ним, чтобы максимально точно совместить фактическую информацию и возможности анкеты, использующей иную систему координат.

Так, например, во многих статьях энциклопедии согласные по месту образования классифицируются не только по активному, но и по пассивному органу. Например, в статьях, описывающих славянские языки, передне-, средне- и заднеязычные согласные определяются по пассивному органу с помощью терминов *передне-*, *средне-* и *задненебные* соответственно (сербохорватский, словенский). Может также использоваться комбинированная классификация, при которой термины *передне-*, *средне-* и *задненебные* занимают подчиненное положение в иерархии *передне-*, *средне-* и *заднеязычных* согласных, например в статьях о македонском [Языки мира 2017, 114—151] и русском языках [Языки мира 2017, 476—151]. Наряду с терминами, характеризующими согласные по месту

образования, в одном ряду используются термины разных уровней. Так, переднеязычные подразделяются на *зубные, интердентальные, зубно-альвеолярные, альвеолярные* и *постальвеолярные*, которые, в свою очередь, разделяются на *альвео-палатальные* и *палато-альвеолярные*, причем последние многими авторами выделяются в самостоятельный класс фонем — *палатальные (дорсальные)*.

В анкете БД шумные согласные в целом классифицируются по активному органу (позиции А-13 и А-20). При этом место образования в некоторых случаях уточняется по дополнительным акустическим характеристикам и/или более детально по активному органу — положению кончика языка или форме языка. Так, в позиции А-15 приводится, как возможная характеристика шумных переднеязычных по месту образования, термин *ретрофлексные*. Это признак следующего уровня по степени детализации акустических характеристик согласных, и он характеризует согласные, образуемые при поднятом к твердому небу и загнутом назад кончике языка (глухой взрывной /t/ в хинди, шведском и норвежском, звонкий взрывной /d/ в шведском, глухой щелевой /ʃ/ там же и в фарерском). В дравидийских языках выделяются как шумные, так и сонорные ретрофлексные согласные.

Дорсальные согласные (от лат. *dorsum* ‘спина’) занимают пограничное положение и могут быть как передне-, так и среднеязычными. Особенностью их артикуляции является опущенный к нижним зубам кончик языка. Апикальные согласные образуются при сближении или смыкании кончика языка с верхними зубами или альвеолами (например, /ч/ и /щ/ в русском языке). Ретрофлексные согласные (в разных традициях: какуминальные или церебральные) образуются при поднятом крае передней части спинки языка (например, какуминальный /d/ в сардинском). Есть языки, для которых существенным является различие между апикальными (при произнесении которых преградой для выдыхаемого потока воздуха является кончик языка) и ламинальными (поток воздуха преграждается прижимаемым к зубам плоским концом языка) переднеязычными согласными. Иногда система качественных оппозиций может быть не только бинарной, но и три-

хотомической. Например, в баскском языке различаются *апикальные* и *ламинальные* аффрикаты и ффрикативные переднеязычные шумные, в польском — свистящие и шипящие *зубные* и *альвеолярные* аффрикаты твёрдого передненёбного ряда (палато-альвеолярные), мягкого средненёбного шепелявого ряда (альвео-палатальные) и такие же ффрикативные переднеязычные и среднеязычные шумные.

Во многих случаях особенности согласных такого уровня детализации в анкете можно представить с помощью позиции «Other» в виде конкретных специальных терминов, являющихся частью традиционных терминосистем описания группы языков или языковых семей. Например *свистящие* и *шипящие (сбилянты)* в славянских, *нецеребральные/церебральные* в дардских, *абруптивные* в кавказских языках и т.п. Еще одним вариантом решения проблемы могло бы стать использование при составлении анкет символов МФА. Такая возможность позволила бы более корректно отражать в анкете содержание фонологических позиций соответствующих статей издания «Языки мира», приблизиться к описанию языков авторами статей энциклопедического издания «Языки мира», а в перспективе и в других источниках.

Часть специальных терминов, например, *ингрессивные* или *импловивные* являются подчиненными по отношению к используемому в анкете термину *взрывные* согласные. В статьях энциклопедии ему часто соответствует термин *смычные*, и здесь также хотелось бы уточнить некоторые детали. Довольно часто термины *смычные* и *взрывные* рассматриваются как синонимы по вертикальной шкале гипероним → гипоним. Но во многих случаях такая квазиэквивалентная замена недостаточна при классификации взрывных согласных по типу преграды (абруптивы, гортанная смычка и др.) или по способу преодоления преграды, направлению воздушного потока, времени начала озвончения и др.) и чревата неполнотой информации о составе согласных фонем в языках даже наиболее изученных групп индоевропейских языков. Между тем именно детальные характеристики согласных являются типологически значимыми при сравнении фонологических консонантных систем в языках мира.

Схема описания сонорных согласных в целом повторяет приведенную выше схему для шумных согласных:

А-19. Инвентарь сонорных согласных по способу артикуляции

Назальные и плавные

Назальные, плавные и вибранты

...

Назальные, плавные, вибранты и глайды

Other

Commentary:

А-20. Инвентарь сонорных согласных по месту образования

Переднеязычные

Среднеязычные

Заднеязычные

Латеральные

Ретрофлексные

Губные и заднеязычные

...

Губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и постувулярные

...

Other

В этой схеме, однако, отсутствуют позиции, характеризующие инвентарь сонорных по ларингальным признакам, по аспирации, по наличию геминированных (аналогичная А-11) или более детальная характеристика по месту образования (аналогичные А-14 для губных, А-15 — переднеязычных, А-16 — заднеязычных и А-

17 для постувулярных). Позиция А-21 «Дополнительные противопоставления сонорных согласных» не позволяет в полной мере отразить имеющиеся в энциклопедии и в языках мира способы образования сонорных, например, дрожащие, подобные какуминальному сонорному /p/ в русском языке, можно отметить только в комментарии к позиции А-20. Из других возможных способов образования сонорных в позицию введен только признак ретрофлексного положения языка, что позволяет отметить наличие ретрофлексных сонорных, например, в шведском, где есть ретрофлексные сонанты — латеральный /l/, назальный /ŋ/ и аппроксимант /ŋ/, или в нидерландском, где существует ретрофлексный вибрант /ɾ/).

Отметим также некоторые другие колебания в терминологии, относящиеся к сонорным согласным. Под термином *плавные* некогда понимались латеральные и вибранты (аппроксиманты, дрожащие). МФА разграничивает эти ряды согласных [РА 2015]. С другой стороны, под термином *латеральные* в частных описательных традициях могут пониматься и собственно латеральные, и вибранты. Например, так трактуются латеральные сонанты в описании немецкого языка [Языки мира 2000а, 226].

В условиях, когда анкета описания языков для desktop версии БД в большей степени формализована и редуцирована по сравнению с текстом статей энциклопедии, особую важность приобретает содержание позиций «Other» и «Commentary».

Позиция «Other» предназначена для отражения информации, отличной от перечисленных в позициях анкеты. В таком случае при характеристике гласных, например, в некоторых романских языках, в которых одним из классификационных признаков является открытость/закрытость гласного среднего подъема (гасконский, итальянский, каталанский, окситанский, ретороманский, сардинский, франкопровансальский, французский, фриульский), этот признак записывается в данную позицию [Языки мира 2001]. В то же время такой классифицирующий признак гласных французского языка, как назализация, находит свое место в позиции анкеты А-6 «Противопоставление гласных по назализации».

В ряде случаев позиция «Other» заполняется цитатным способом, если в соответствующей статье приводится информация, которая не подпадает под предлагаемые рубрики. Например, в описании дравидийского языка ирула указано, что данных об ударении в этом языке нет; в позиции анкеты В-1 «Тип ударения» в разделе «Other» для этого языка помещается формулировка автора статьи: «Данных об ударении нет» [Языки мира 2013, 175].

Строка «Commentary» позволяет вносить в реферат информацию, которая является дополнительной по отношению к структуре раздела. Например, в случае с мертвыми или малоизученными языками строка комментария к первому же разделу реферата, который отражает структуру системы вокализма, может содержать помету «мертвый язык», а в случае недостатка данных — также помету «Состав вокализма постулируется» (например, для кельтских кельтиберского и галльского языков).

При отсутствии единой нормы в этой строке помещаются пометы о вариантности некоторого структурного явления в разных диалектах описываемого языка; например, комментарий к позиции А-4 «Фонологические ступени долготы» в описании бретонского языка содержит текст: «В ваннском диалекте имеются долгие гласные фонемы». Эта информация является существенной, поскольку статья основана на данных о слабонормированном литературном языке, базой для которого служат другие, отличные от ваннского, диалекты бретонского языка. Или комментарий к позиции А-15 «Шумные переднеязычные согласные по месту образования» в описании фриульского языка: «Подсистемы сибиллянтов в разных говорах значительно различаются». Сюда же помещаются сведения о вариативности в орфоэпической норме в случае, когда единой нормы не существует. Например, в анкете для валлийского языка в разделе А-10 «Типы дифтонгов» в комментарии отмечено: «Система дифтонгов варьирует по диалектам».

Строка «Commentary» позволяет отметить специфику языка в ряду других (эталонных с точки зрения грамматической структуры) языков определенной генеалогической группы. Например, раздел F-9 «Способы выражения одушевленности/ неодуше-

ленности», каталанский язык: «В отличие от испанского языка, категория одушевленности не имеет регулярного выражения предлогом перед прямым дополнением». Она также позволяет учесть изменения в структурных характеристиках языка, которые отмечаются в виде тенденций, например, раздел E-4 «Тип языка по степени спаянности морфем», ирландский язык: «Отмечается тенденция к увеличению числа аналитических элементов».

Содержательная ценность строки «Commentary» заключается в том, что именно в ней отмечается отсутствие в статье энциклопедии информации по соответствующей позиции анкеты (обозначается пометой «Данных нет»). При анализе анкет это поможет дифференцировать лакуны в знании о соответствующем языке и лакуны в описании языка в энциклопедии. Неполнота имеющейся грамматической информации обозначается пометой «Других данных нет» — в случае, если некоторые данные представлены в статье, но их по каким-то причинам недостаточно; например, в кельтском шотландском языке в позиции анкеты I-7 «Способ выражения временных категорий» наряду с отмеченной строкой «Аффиксы» в комментарий включается помета «Других данных нет».

В позиции «Commentary» может быть помещена формулировка из статьи об отсутствии данных, как, например, в комментарии к позиции D-8 «Вид чередований» для галльского языка: «О типах чередований (на уровне классов фонем) в Г.я. сведений нет» [Языки мира 2000а, 426].

Оба источника — и энциклопедическое издание, и БД «Языки мира» — разрабатывались в Институте языкознания РАН на протяжении многих лет и являются результатом исследований нескольких поколений лингвистов. Помимо ценности содержащейся в них фактической информации, эти исследования иллюстрируют широкую палитру школ, направлений и традиций описания языков — тюркологии, иранистики, германистики, славистики и др. В этой связи используемая в них терминология относится к особому типу информации и представляет значительный самостоятельный, в том числе и исторический интерес.

Так, например, один из крупнейших отечественных иранистов В.И. Абаев в одной из своих исторических работ «Краткий грамматический очерк осетинского языка» [Абаев 1959] заложил основы отечественной терминологической традиции описания фонетики и фонологии иранских языков. Его классификация согласных отличается от той, которая используется в МФА. В случае с иранскими языками, и, в частности, с осетинским языком, особенно существенным является то, что речь идет об описании языка на основе кириллического алфавита без дополнительных диакритических или других символов (заглавных букв). Важно отметить, что именно благодаря таблице В.И. Абаева стало возможным идентифицировать согласные, которые приводятся в статье об осетинском языке в энциклопедии «Языки мира» в виде списка без терминологической интерпретации. В более широком контексте эта проблема относится и к другим языкам народов бывшего СССР, когда точная фонетическая характеристика затруднена графикой.

В терминологической системе В.И. Абаева место образования согласных определяется по пассивному, а не по активному органу, то есть термины *передне-, средне- и заднеязычные* употребляются вместо соответствующих им *передне-, средне- и заднеязычных* в анкете БД «Языки мира». По способу образования выделяются *смычные (простые и аффрикаты)* и *щелевые*, которые в свою очередь включают в себя *глухие, звонкие и смычно-гортанные*. Классификация сонорных также существенно отличается от принятой в энциклопедии для описания других индоевропейских языков (славянских, романских, германских или кельтских). В большинстве статей об иранских языках энциклопедического издания «Языки мира» сонорные (за исключением дрожащих) включены в общую классификацию шумных согласных. Основные принципы классификации В.И. Абаева сохранены и дополнены или уточнены и унифицированы, в том числе с помощью синонимов. К числу таких терминов можно отнести пары *простые = чистые* с уточнением *неносовые/носовые*, *смычно-гортанные = двухфокусные* или *язычковые = увулярные*.

Важно отметить, что верхний уровень классификации согласных в иранских языках по способу артикуляции определяется с помощью терминов *смычные* и *щелевые*, которым в анкете БД соответствуют *взрывные* и *фрикативные* соответственно. В описаниях иранских языков используются также термины *фрикативы*, *щелинные* или *спиранты*, которые представляют собой либо полные синонимы, находящиеся в одном горизонтальном ряду, либо гипонимы (*спирант* как подчиненный по типу преграды в полости рта). Их замена на термины, предлагаемые в анкете, не вызывает вопросов.

Более существенным является вопрос об использовании термина *взрывные* вместо термина *смычные*. По типу преграды в полости рта и по способу её преодоления первый из них является гипонимом по отношению ко второму — гиперониму *смычные*. Довольно часто эти термины используются авторами как полные синонимы даже в пределах одной статьи, например в описаниях ряда славянских и романских языков. Но во многих случаях они не являются взаимозаменяемыми. Выше мы уже говорили о квазисинонимии этих терминов. Это различие еще раз хочется отметить в связи с неупотреблением термина *взрывные* в абсолютном большинстве статей об иранских, дравидийских и дардских языках (из тех, которые в настоящее время готовятся к внесению в БД). При описании консонантных систем этих языков используется термин *смычные* как изолированно, так и в составе сложных и производных на его основе — *смычные носовые*, *смычно-гортанные* и др.

В качестве иллюстрации описания сложных консонантных систем с учетом различий между терминологией в статьях энциклопедии и в анкете БД «Языки мира» можно привести вариант классификации согласных в позиции А-12 «Инвентарь шумных согласных по способу артикуляции» с помощью строки «Other»:

1. смычные: чистые — одно- и двухфокусные (со вторым губным) и аффрикаты (одно-/двухфокусные — со вторым средняяязычным); смычно-проходные (боковые и носовые) и щелевые: однофокусные (кругло-/плоскощелевые) и двухфокусные (с губным/средняяязычным фокусом) [Языки мира 1999б, 277];

2. смычные: чистые (неаспирированные и аспирированные) и аффрикаты (однофокусные неаспирированные и аспирированные и двухфокусные неаспирированные и аспирированные), смычно-проходные (оральные и назальные), щелевые (одно- и двухфокусные) и дрожащие [Языки мира 1999а, 39].

Подводя итоги, хотим отметить, что создание лингвистического контента новой версии БД «Языки мира» очевидно является интересной и актуальной задачей. От результатов ее решения во многом зависит возможность практического использования содержащейся в БД информации, в том числе для образовательных целей. Поиск средств представления данных о языках, адекватных новому формату БД, требует тщательного анализа множества источников в связи с широким диапазоном традиций употребления терминов и их синонимов, использования иных, в том числе графических, эквивалентов, например, списков, схем и таблиц, допускающим неоднозначную трактовку без дополнительной терминологической интерпретации [Зотова 2020].

Эффективность и потенциал БД во многом связаны с обоснованным и систематизированным применением специальной лингвистической терминологии, объединяющей компьютерный и энциклопедический варианты, которая вместе с другими элементами нового desktop формата БД может стать частью целостной терминологической системы для обоих проектов.

В перспективе работа по совершенствованию лингвистического обеспечения БД «Языки мира» ИЯз РАН в качестве современного лингвистического ресурса для исследований по типологии продолжится в нескольких направлениях, в том числе: 1) расширение контента за счет описания языков, не вошедших в БД в предшествующий период, и 2) редактирование и экспертиза подготовленного ранее массива описаний языков (анкет признаков). Унификация формата описания языковых явлений требует особого внимания к терминологии, используемой специалистами разных описательных традиций (фонология на основе нескольких версий МФА или международной иранистической транскрипции), интерпретации типологически сходных явлений в языках конкретных языковых семей

(морфология имени и глагола) и верификации сведений, представленных в статьях неявно или фрагментарно. Самостоятельной проблемой является необходимость сохранить редкую и уникальную специфическую информацию о языках и представить ее в компактной форме, интуитивно понятной для пользователя.

Список сокращений

МФА — Международный фонетический алфавит // https://www.internationalphoneticassociation.org/sites/default/files/IPA_Kiel_2015.pdf.

CED — Collins English Dictionary // <https://www.collinsdictionary.com/submission/5703/Collins+English+Dictionary+online>

OED — Oxford English Dictionary. 3rd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2010 // <https://www.oed.com>.

Литература

Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.

Зотова А.К. Специализированные электронные ресурсы: терминосистема базы данных «Языки мира» и проблемы разработки русско-английского синонимического терминологического указателя // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2017. Вып. 9. С. 180—191 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/7.pdf.

Зотова А.К. Принцип визуализации в сфере специализированного терминообразования (на материале русско-английских переводных эквивалентов) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2020. Вып. 12. Т. 1. С. 149—163 // https://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2020_12_1/5.pdf.

Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении / Ред. Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко. Ленинград: Наука, 1983.

Языки мира: Дардские и нуристанские языки. М.: Индрик, 1999а.

Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 19996.

Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000a.

Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000б.

Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001.

Языки мира: Дравидийские языки. М.: Academia, 2013.

Языки мира: Славянские языки (изд.2-е, испр. и доп.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017.

Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English (8th ed.). London; New York: Routledge, 2014.

Roach P. British English: Received Pronunciation // Journal of the International Phonetic Association, 2004, 34 (2). Pp. 239—245.

«Friend-or-foe», or term capacity in a terminology system («Languages of the World» database, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**A.K. Zotova, O.J. Romanova (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper outlines specificity of linguistic terminology, in particular the use of synonyms and equivalent terminological patterns in the new *desktop* version of the «Languages of the World» database that is being compiled at the Institute of Linguistics RAS. The analysis includes terminology in the «Languages of the World» encyclopedia articles (Institute of Linguistics RAS). The topic could be of interest for those dealing with applied lexicography and linguodidactics.

Keywords: database, languages of the world, linguistic terminology, terminology patterns and systems.

**Лингвоспецифичность единиц, выступающих в функции
показателей интенсивности**

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье дан обзор уже описанных в лингвистической литературе моделей образования слов со значением высокой степени, предложены новые модели, представлено описание лингвоспецифичных единиц, выступающих в роли показателей интенсивности в разных языках.

Ключевые слова

Семантика, полисемия, лексические функции, идиоматичность, лингвоспецифичность.

I. Вводные замечания

Целью данной статьи является представление класса лингвоспецифичных единиц, выступающих в роли показателей интенсивности. Под лингвоспецифичностью единиц понимается «специфичность их содержательной стороны (включая коннотации, фоновые компоненты значения и т. д.) <...> чем более своеобразна семантическая конфигурация, кроющаяся за лексической единицей, тем более лингвоспецифичной она может считаться» [Шмелев 2015]. В работе используется термин *Magn*, являющийся названием одной из лексических функций, лексических параметров, в модели И.А. Мельчука «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1974; Мельчук 1995; Мельчук 2012; Mel'čuk 2003; Mel'čuk, Milićević 2020]. В этот класс единиц входят слова, «идиоматично выражающие смысл 'очень' при некотором ключевом слове» [Кустова 2011, 256]¹.

¹ В статье обобщены материалы, представленные в наших опубликованных ранее работах [Иоанесян 2019а, 2019б, 2021], представлены новые модели образования *Magn*'ов, добавлен материал, иллюстрирующий лингвоспецифичность единиц, выступающих в этой функции.

II. Основные положения

Лексическая функция (далее — ЛФ) — это «весьма общий и достаточно абстрактный смысл 'f', который выражается особой лексемой у в зависимости от лексемы х, при которой он выражается: $f(x) = u$ » [Мельчук 2012, 115], это «абстрактное типовое значение, которое, подобно грамматическому, выражается при достаточно большом количестве слов; однако, в отличие от грамматического значения, при разных словах оно выражается очень различными способами, причем способ его выражения зависит от того, при каком именно слове оно выражается» [Апресян 1974, 45]. Лексические функции являются универсальными, но их значения могут различаться у семантически близких лексем в разных языках. Лексические функции характеризуют «the idiomatic, that is, language specific substitutability and cooccurrence relations of the entry lexeme L» [Мельчук 1995, 32]. Например, русское прилагательное *зеленый* является значением лексической функции Magn для русских слов *скука* и *тоска*, наречие *кристально* — для прилагательных *честный* и *чистый* и т.д.

III. Модели образования Magn'ов

В этом разделе будет дан обзор уже описанных в лингвистической литературе моделей образования Magn'ов. В разделах IV, V и VI будут представлены новые, выделенные нами модели образования смысла Magn (см. [Иоанесян 2021]). В разделе VII будут представлены Magn'ы, производные от единиц, выступающих в качестве другой лексической функции — в лексической функции Bon или AntiBon. Основная задача настоящего исследования состояла в описании лингвоспецифичных выражений значения интенсивности, специфики этих единиц в разных языках, прежде всего, во французском.

В работе Г.И. Кустовой [Кустова 2011] выделено два основных механизма образования Magn'ов: 1. Парадигматический — аналогия. Сюда относятся метафорические (*беспросветный*, *бесконечный*, *солидный*) и компаративные Magn'ы (*царский*, *телячий*, *лошадиный*). 2. Синтагматический — метонимия.

III.1. Компаративные Magn'ы и Magn'ы, построенные по метафорической модели

Особенно ярко, на наш взгляд, языковая специфика образования показателей высокой интенсивности наблюдается в Magn'ах, построенных по метафорической модели, и компаративных Magn'ах, например:

(1) Французское прилагательное *endurci*. Прилагательное имеет следующие значения²: 1. 'затвердевший; загрубевший', «Qui est devenu physiquement (plus) dur, consistant, résistant, solide. *Le malade ne peut pas évacuer, parce que des matières sèches et endurcies bouchent le passage* (GEOFFROY, Méd. prat., 1800, p. 387)» [TR], 'ставший физически более жестким, плотным, прочным, твердым. Больного нельзя эвакуировать, так как проход закупорен сухим и твердым веществом'. 2. 'чёрствый, ожесточённый': «Qui est devenu dur, insensible. ⇒fam. *blindé*. *Cœurs endurcis*. «*Je n'ai jamais vu d'âme aussi endurcie que la vôtre*» (Camus)», 'То, что стало черствым, бесчувственным, равнодушным. Син. *blindé*. Черствые сердца. Я никогда не встречал человека с такой черствой душой, как ва-ша (Камю)'.

Прилагательное выступает также в роли Magn'a: «2. ♦ Qui avec le temps s'est fortifié, figé dans son opinion, son occupation. ⇒ invétéré. <...> «*pêcheurs endurcis*» (Pascal). *Un célibataire endurci*» [PR, 572], ≈ 'Человек, со временем укрепившийся в своих воззрениях, привычках. Заядлые рыболовы, закоренелый холостяк'.

(2) Итальянское *incallito* — 'мозолистый', «rieno di calli: *mani incallito*» [SCT], 'с мозолями, мозолистые руки'; «Part. pass. *incallito*, frequente con uso verbale e di agg.: *mani incallite dalla fatica* <...> in senso fig., assuefatto da lunga abitudine, spec. a qualcosa di riprovevole: *un bevitore, un peccatore incallito*» [VT], 'Страдательное причастие, часто употребляющееся в функции прилагательного: руки, покрытые мозолями из-за тяжкого труда <...> перен. ≈ имеющий обычно дурные привычки: законченный пьяница, закорене-

² Прилагательное происходит от глагола *endurcir* — «1. делать, твёрдым, грубым; *manier la hache endurecit les mains* — от топора ладони становятся твёрдыми <жесткими>. 2. fig. очерствлять; делать бесчувственным <бессердечным, бездушным>; ожесточать; *l'ambition lui a endurci le cœur* — честолюбие сделало его бессердечным» [ГТ], «*Endurci*. XIIIe; de *endurcir*» [PR, 572].

лый грешник'. «*Colombo è un incallito fumatore*» [<https://corp.hum.sdu.dk/cqp.it.html>], 'Колombo завзятый курильщик'; *un misogino incallito* [Там же], 'страшный женоненавистник'.

(3) Английское прилагательное *double-dyed* — 'окрашенный два раза; пропитанный краской', выступает также в функции Magn, 'закоренелый; матёрый': «1. (of an item of clothing) dyed twice in order to give a very deep color. *Create a double-dyed dress and see different color combinations come to life*. 1.1. (of a person) thoroughly imbued with a particular quality. *a double-dyed liberal. The dead may not be able to harass you with writs, but are you entitled to portray them as double-dyed villains, despite the fact that they can't hire a lawyer?*» [OD]³.

(4) Во французском языке в качестве Magn'а при слове *froid* 'холод', кроме аналогичного русскому выражению *собачий холод* — *froid de chien*, выступают также выражения *froid de canard*, *froid de loup* и *froid polaire* — букв. 'утиный холод', 'волчий холод', 'полярный холод': «*Froid de canard, de loup, froid polaire, froid très vif*» [PR, 751], '*Froid de canard, de loup, froid polaire*. Очень сильный холод'.

(5) Французское прилагательное *titanique* — 'титанический' используется как показатель интенсивности: «Qui présente des caractères de taille, de force démesurés, gigantesques. Synon. *colossal* [TR], ≈ 'То, что отличается огромными размерами, огромной, гигантской силой. Син. *colossal* — 'колоссальный'. Это прилагательное является примером лингвоспецифичной сочетаемости в сравнении с его русским аналогом: «*Colère titanique; gloutonnerie titanique <...> catastrophes titaniques*» [Там же], букв. 'титанический гнев, титаническое обжорство <...> титанические катастрофы'.

III.2. Magn'ы, построенные по метонимической модели.

Модель 1. Импликативно-метонимическая модель. Эта модель, представленная в работе Г. И. Кустовой, лежит в основе Magn'ов «характеризующих высокую степень через ее импликацию <...> 'Степень P так высока, что вызывает следствие R'» [Кустова 2011, 263]. Например: *Удивительный P* = 'степень P так высока, что вызывает

³ Зд. и далее мы посчитали возможным не приводить переводы английских слов, выражений и толкований.

удивление (следствие)'. *Удивительная сила, возмутительная ложь, изумительная точность* — 'такая большая сила, ложь, точность, что вызывают удивление, возмущение, изумление'⁴; *завидная выдержка, завидная энергия, завидное здоровье, завидное хладнокровие* — 'такая большая выдержка, энергия, здоровье, хладнокровие что вызывают зависть'. Частные виды этой модели представлены в статье [Иоанесян, 2019а]. Данная модель «действует как бы в две стороны: сначала сама реакция является следствием, импликацией высокой степени ('такая степень Р, что удивляет'), а потом эта реакция Экспериенцера в виде прилагательного метонимически переносится на признак: *удивительный Р* (и приобретает значение 'большой', 'удивительный по величине')» [Кустова 2011, 263—264]. Происхождение этой группы Magn'ов экспериенциальное — высокая степень признака воздействует на эмоциональную систему человека.

Эмоциональные предикаты, от которых происходят прилагательные *удивительный, возмутительный, изумительный* и т.п., представляют собой неоднородный класс, что определило различия в их деривационном потенциале, в частности, в возможности развития на их базе смысла 'очень'. Указанные предикаты разбиваются на разные классы по признакам активность/пассивность, агентивность/неагентивность, предикаты эмоционального отношения/предикаты эмоционального состояния.

1. Активность/пассивность. Активные предикаты — предикаты с Субъектом, экспериенцером, в позиции подлежащего и Объектом в позиции дополнения (напр., *удивиться, испугаться*). Пассивные предикаты — предикаты, у которых Объект является подлежащим, а Субъект — дополнением (*удивить, испугать*) [Зализняк 2006: 459]. Соответственно, прилагательные (и наречия) делятся на два класса: прилагательные, относящиеся к субъекту (I класс, *удивленный, испуганный*), и прилагательные, относящиеся к объекту (II класс, *удивительный, страшный*). Как показывает материал, по имплицитивно-метонимической модели образуются Magn'ы в основном от пассивных глаголов,

⁴ См. другое обоснование появления значения интенсивности у *удивительно* в [Григорьева 2000, 256]: «Лексемы из подгруппы *удивительно, поразительно* и т.п. предполагают, что высокая степень некоторого свойства в силу своей неожиданности производит на говорящего сильное впечатление».

например: удивить, изумить, поразить, ужасать → удивительный, изумительный, поразительный, ужасающий и т.д., франц. *étonner* ‘удивить’ → *étonnant* ‘удивительный’ и *étonnamment* ‘удивительно’, *épater* ‘ошеломить, поразить’ → *épatamment* ‘удивительно, поразительно;’, англ. *to stun* → *stunning(ly)*, *to amaze* → *amazing(ly)*, *to surprise* → *surprising(ly)*, ит. *sbalordire* ‘ошеломить, поразить’ → *sbalorditivo* ‘ошеломляющий, поразительный’, *sbalorditivamente* ‘ошеломительно, поразительно’, исп. *sorprender* ‘удивить, поразить’ → *sorprendente* ‘удивительный, поразительный’ и т.п.

Очень редко имеют место Magn’ы, образованные от активных глаголов, например: *завидовать* → *завидный*, англ. *to envy* → *enviable (enviable poise)*, *to regret* → *regrettably (regrettably steep decline)* и др.

2. Агентивность/неагентивность. Важным признаком для эмоциональных глаголов является признак агентивности: «Особенностью глаголов эмоции является их преобладающая неагентивность. Основные глаголы эмоции — такие, как *возмутить*, *огорчить* <...> не могут употребляться как действия: их парный НСВ (*возмущать*, *огорчать* и т.д.) обозначают состояние, а не деятельность» [Падучева 2004, 276].

Наш материал позволяет сделать вывод о том, что по указанной метонимической модели значение интенсивности развили прилагательные и наречия, образованные от неагентивных глаголов эмоций. Исключение составляет небольшая группа агентивных глаголов, допускающих неагентивное употребление — таких, как, например, англ. *to insult* и *to humiliate*: (а) «*insultingly*: to a degree that causes insult: *They made an insultingly low bid to buy the house*» [ENW]; *an insultingly bad idea, insultingly useless, insultingly silly* [<https://www.vocabulary.com/dictionary>]; (б) *humiliatingly small amounts of money* [<https://www.linguee.fr/francais-anglais>], *life <...> humiliatingly pointless, sterile* [НКРЯ], *My social calendar is humiliatingly empty. Mon agenda est désespérément vide* [<http://context.reverso.net>].

3. Предикаты эмоционального отношения/предикаты эмоционального состояния. Эмоциональные предикаты делятся на предикаты эмоционального состояния (*удивлен*,

возмущаться, завидовать и т.п.) и предикаты эмоционального отношения (*любить, ненавидеть, презирать, нравиться* и т.п.), см. [Падучева 2004, 275; Апресян 2006, 103—104]. По нашим наблюдениям, Magn’ы рассматриваемого типа образуются от глаголов эмоционального состояния. У прилагательных и наречий, образованных от предикатов эмоционального отношения, развитие смысла ‘очень’ происходило через стадию оценочного значения (‘плохой’/‘хороший’), см. ниже модель VII.

Имеются также случаи образования Magn’ов от отыменных и непроизводных прилагательных второго класса, т.е. прилагательных, относящиеся к объекту. Англ. *doleful* ‘скорбный, печальный’ может характеризовать: 1) субъекта эмоционального состояния — I класс, «full of grief, a *doleful face*» [MWD]; 2) объект, причину состояния — II класс, «causing grief or affliction, *doleful loss*» [Там же]. Наличие второго значения определило возможность развития смысла интенсивности у производного наречия *dolefully*: *dolefully weak* [НКРЯ], *dolefully accentuated/flat* [<https://www.vocabulary.com>] и т.п. Аналогичный пример — англ. наречие *sadly*: «To a regrettable extent; regrettably: ‘his advice is *sadly disregarded nowadays*’. <...> *he is sadly mistaken*» [OD].

В качестве Magn’ов используются также сочетания предлогов со значением ‘до, до какой степени’ и именами существительными, обозначающими эмоциональное состояние: рус. *до обидного, до ужаса* [КСРИД], ит. *al disgusto* — ‘до отвращения’ и т.п.

В разных языках круг эмотивных единиц, порождающих Magn’ы, может не совпадать. Например:

(1) От английского глагола *to disappoint* (‘разочаровывать’) образовано наречие *disappointingly*, использующееся в значении ‘очень’: *disappointingly hard* [НКРЯ], *disappointingly easy/convincing* [<https://www.vocabulary.com>] и т.д.

(2) От английского глагола *to bewilder* (‘смущать, озадачивать, приводить в недоумение’) образовано прилагательное *bewildering*: *bewildering ease/number/darkness* [НКРЯ].

(3) От английского глагола *to annoy* ('досаждать; раздражать') образовано наречие *annoyingly*: *annoyingly disloyal/robust/early /well behaved* [<https://www.vocabulary.com>].

(4) Английское наречие *detestably*⁵, образованное от прилагательного *detestable*⁶, выступает в функции Magn: «*Dicky Rosewarne, for all his good looks, was detestably cruel with his gins and snares and cunning pursuit of goldfinches and, worse, his fish-hooks baited for wild duck. MacKenzie, Compton* [<https://www.vocabulary.com/dictionary>]. *Besides their inherent unsuitability the premises were detestably insanitary and the floor space overcrowded to its utmost capacity. Baerlein, Henry* [Там же]. *So far from being enthusiastic over parades and field days, we found them most detestably dull and longed for the pleasures that followed the order to dismiss. (Raymond, Ernest)* [Там же]. *Oh! he was spiteful, acrid, savage; and, as a natural consequence, detestably ugly (Brontë, Charlotte)* [Там же].

Необходимо отметить, что Magn'ы подразделяются на внешние и внутренние: «Большинство Magn'ов — это не характеристики собственно признака или ситуации, а характеристики человека (т.е. такое количество Magn'ов — результат всеохватных и всепроникающих метонимических сдвигов). Условно здесь можно выделить две возможности. Человек может быть либо внешним наблюдателем, воспринимающим и оценивающим ситуацию со стороны, реагирующим на высокую степень признака: *ослепительная красота, головокружительная высота*; либо участником: *плясать до упаду* — в этом случае сам субъект и отвечает за высокую степень интенсивности протекания ситуации» [Кустова 2011, 260]. Как отмечено в этой работе, в основе образования многих классов лежит экспериенциальная составляющая, благодаря которой «человек «замечает» большую степень признаков у окружающих предметов и ситуаций и реагирует на нее <...> экспериенциальная модель дает как внешние Magn'ы, ср. *поразительная точность*, так и внутренние, ср. *жгучая обида*. <...> типы экспериенциальных реакций образуют модели,

⁵ См. о развитии значения интенсивности у этого наречия раздел *detestably* раздел VII. Magn'ы, производные от единиц, выступающих в функции Bon или AntiBon.

⁶ *Detestable*: «Late Middle English from Old French, or from Latin *detestabilis*, from the verb *detestari* (see *detest*)» [OD].

в которые метафорически встраивается высокая степень признака самых разных ситуаций» [Там же].

Функционирование семантически близких лексем в разных языках, построенных по экспериенциальной модели, часто различается. Например:

(1) Французское прилагательного *glacial* ‘леденящий’. Ср., использование в роли экспериенциального Magn’a прилагательного *glacial* ‘леденящий’ и его русского аналога *леденящий*: *Ironie glaciale* [TR], **леденящая ирония*. В русском языке в подобном случае используются другие прилагательные, напр., *убийственный*: так, в [КСРИД] при слове *ироничный* в качестве Magn’a указано наречие *убийственно*. Пример из французской художественно литературы: *Alors, il frissonna, pris d’une tristesse glaciale, comme s’il avait aperçu des mondes entiers de misère et de désespoir* (Gérard Genette. Figures I (1966)) [НКРЯ]. Художественный перевод этого отрывка на русский представляется очень неудачным: Он содрогнулся, охваченный леденящей печалью, как будто перед ним открылись целые миры нищеты и отчаяния (Жерар Женетт. Фигуры I (Е. Васильева, Е. Гальцова, Е. Гречаная, И. Иткин, С. Зенкин, Н. Перцов, И. Стаф, Г. Шумилова, 1998)) [Там же].

Лингвоспецифичным является также употребление в лексической функции Magn производного наречия *glacialement*: *glacialement hautain* [TR], **леденяще высокомерный*.

(2) Французское прилагательное *cuisant* — ‘жгучий, обжигающий’, выступает в роли Magn’a при словах *chagrin* — ‘печаль’, *remords* — ‘угрызения совести’, *défaite* — ‘поражение’, *humiliation* — ‘унижение’: «*Chagrin, remords cuisant, défaite, humiliation cuisante*» [TR]. Ср. рус. **жгучая печаль*, **жгучие угрызения совести*, **жгучее поражение*, **жгучее унижение*. Прилагательное также используется при существительном *échec* — ‘провал, неудача’: «*c’est aussi parce qu’elle a subi un échec cuisant sur le plan de le contrôle financier* [https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html], ‘это вызвано также тем, что она потерпела большую неудачу (букв. ‘жгучую, обжигающую неудачу’) в области финансового контроля’.

Модель 2. Метонимические Magn'ы, построенные по отрицательно-модальной модели. «Степень Р такова, что невозможно R, ср. *невыразимый, неопиcуемый* <...> степень Р такова, что невозможно описать, выразить» [Кустова 2011, 264]. Указанный класс единиц являются подклассом фреймовых Magn'ов, «которые относятся к типичному окружению ситуации, к типичным, характерным действиям, которые ее сопровождают, которые с ней ассоциируются» [Там же, 261]. Приведем примеры таких Magn'ов из [КСРИД]: *неодолимая преграда, неопровержимая истина, непоправимый ущерб, непреодолимое препятствие, непреодолимый барьер, непримиримая вражда, неразрывные узы, расторгжимая связь, несокрушимая опора* и т.д.

Следует отметить, что «фреймовые Magn'ы нередко покидают свою группу, границы исходной сочетаемости размываются» [Кустова 2011, 262], в них входят также единицы, построенные по аналогии, например: *несгибаемое упорство* но **согнуть упорство*, *неодолимая потребность*, но **одолеть потребность*.

Рассматриваемая отрицательно-модальная модель продуктивна во многих языках, например, рус. *неисчислимый*, франц. и исп. *incalculable* — ‘не поддающийся исчислению, подсчёту’ и др. Франц. *incalculable*: «A. Qui ne peut être calculé <...> B. P. ext. Très considérable. *Avantage, force incalculable*» [TR], ‘А. То, что невозможно сосчитать. B. Очень большой. Огромное преимущество, большая сила’. Исп. *incalculable*: «1. Que no se puede calcular. 2. Muy grande: *Este cuadro es de un valor incalculable*» [DCD], ‘1. Не поддающийся исчислению. 2. Очень большой. Эта картина имеет огромную ценность’. Приведем другие примеры:

(1) Французское прилагательное *intolérable* — ‘нестерпимый, невыносимый’, производное от глагола *tolérer* — ‘терпеть, переносить’. *Intolérable*: «Qu'on ne peut tolérer, supporter. ⇒ insupportable. *Douleur intolérable. Chaleur intolérable*» [PR, 928], ‘Такой, что невозможно вытерпеть, выдержать. Невыносимая, нестерпимая боль. Невыносимая жара’. *Intolérable P* — ‘степень Р такова, что его невозможно вытерпеть, вынести’. Примеры из художественной литературы: (a) *Cependant les cris et les gémissements redoublent: c'est*

la voix de Consuelo en proie à un supplice intolérable (Sand, George / Consuelo. Tome II). А между тем крики и стоны становятся все громче: это голос Консуэло, полный нестерпимой муки [<https://www.lingvolive.com>]. (б) *L'intolérable chaleur qui le consumait tomba; mais son corps gisait sous une montagne* (Rolland, Romain / Jean-Christophe Tome IV). Нестерпимый жар, снедавший Кристофа, спал, но на тело его как будто навалилась гора [Там же]. (в) *Dès que l'arbre les eut pris sous la douceur de ses branches, ils se sentirent guéris de l'anxiété intolérable dont ils avaient souffert* (Zola, Emile / La Faute de l'Abbe Mouret). Как только дерево приняло их под сладостную сень своих ветвей, они точно излечились от своей невыносимо мучительной тревоги [Там же].

Аналогичная функция отмечается и у производного наречия *intolérablement* — ‘невыносимо, нестерпимо’: «D'une façon intolérable. || *Il est intolérablement vaniteux*» [Там же], ‘нетерпимым образом. Он невыносимо тщеславен’.

(2) Французское прилагательное *irréparable* — ‘непоправимый’, производное от глагола *réparer* — ‘исправить’. *Irréparable*: «Qui ne peut être réparé. 1 ♦ (Abstrait) ⇒ ir-rémédiable. *Tort, perte irréparable*» [PR, 936], ‘Такой, что невозможно исправить. Син. *ir-rémédiable*. Непоправимая вина, потеря’. Примеры из художественной литературы: (а) *Son coeur était gros, sa conscience bourrelée de remords, car il s'accusait plus que jamais de cet irréparable désastre* (Jules Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours* (1872) | Жюль Верн. *Вокруг света за восемьдесят дней* (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)). На сердце у него было тяжело. Его терзали угрызения совести, ибо он больше, чем когда-либо, обвинял себя в случившейся непоправимой беде [<https://www.lingvolive.com>]. (б) *En me désobéissant, tu me causerais peut-être un tort irréparable* (Gaboriau, Emile / *L'affaire Lerouge*). Если не послушаешься, сильно навредишь мне [Там же]; букв. ‘нанесешь мне непоправимый вред’.

(3) Французское прилагательное *incalculable: des pertes incalculables* — огромные потери [ГТ]; «de 1. *in-* et *calculable*. Impossible à calculer. *Le nombre incalculable des*

étoiles» [PR, 883], ‘от *in-* et *calculable*⁷. Такой, что невозможно подсчитать. Бесчисленное число звезд’. Примеры из художественной литературы: (а) *Et cependant, il se trouvait, sans efforts, au début de sa carrière, plus élevé de quelques marches que son père, qui avait dépensé, dans sa trop courte vie, une somme incalculable d’intelligence et d’énergie* (Rolland, Romain / Jean-Christophe Tome IV). И тем не менее с первых же шагов, не прилагая особых усилий, он оказался на несколько ступенек выше своего отца, израсходовавшего за свою короткую жизнь несметное количество духовной и физической энергии [https://www.lingvolive.com]. (б) *Et nulle autre part on ne sentait mieux l’incalculable fortune dont un peuple était capable, lorsque disparaissaient les intermédiaires, les oisifs et les voleurs* (Zola, Emile / Les Quatre Evangiles — Travail). Нигде не чувствовалось с такой ясностью, какие неисчислимы богатства может накопить народ, когда исчезнут ненужные посредники, празднолюбцы и воры [Там же].

Во французском языке есть интересные примеры лингвоспецифичного обозначения интенсивности по этой модели, лингвоспецифичной сочетаемости. Например:

(1) Французское прилагательное *inguérissable* — ‘неизлечимый, неисцелимый’, *inguérissable P* — ‘степень P такова, что его невозможно вылечить, что не поддается исцелению’, «*plaie inguérissable*» [PR, 908.], ‘неизлечимая рана’, ‘такая серьезная рана, что ее нельзя вылечить’. Указанное прилагательное образовано от прилагательного *guérissable* — ‘излечимый, исцелимый’: «*Qui peut être guéri*» [PR, 814], ‘такой, что можно излечить’, которое, в свою очередь, образовано от глагола *guérir* — ‘исцелять, лечить’. Специфика прилагательного *inguérissable* состоит в том, что оно используется в качестве показателя интенсивности не только при обозначении болезней, ран и т.п., но и при единицах других семантических групп, например: «*chagrin inguérissable <...> Une méchanceté, une jalousie inguérissable. Un optimisme inguérissable*» [Там же], букв. ‘неизлечимая печаль <...> неизлечимая злость, ревность, оптимизм’.

⁷ *Calculer* — ‘считать, подсчитывать’; *calculable* — ‘исчислимый; поддающийся расчёту’.

Очевидно, что наличие подобных различий между французским словом *inguérissable*, выступающим в функции Magn, и его русским аналогом *неизлечимый* обусловлено различием в семантике французского и русского глаголов, производными которых эти единицы являются. Французский глагол *guérir* — ‘исцелять, вылечивать’, имеет также переносное значение ‘избавить, освободить от чего-л.’: «Fig. Délivrer (qqn) d’un mal moral. *Il faut le guérir de ce souci; un chagrin que rien ne guérit*» [PR, 814], ‘Перен. избавить кого-л. от духовных, моральных мучений, страданий. букв. Надо излечить его от этого беспокойства; печаль, которую ничто не может излечить’.

(2) Французское прилагательное *imperturbable*. Прилагательное образовано от глагола *perturber* — «нарушать [работу]; расстраивать (*désorganiser*); вызывать помехи; *perturber le trafic ferroviaire* — нарушать железнодорожное сообщение» [ГТ]; «Empêcher de fonctionner normalement» [PR, 874], ‘мешать нормальной работе, функционированию чего-л.’. *Imperturbable P* — ‘такое P, что его невозможно нарушить’: «Que rien ne peut troubler, inquiéter, ébranler. Synon. *inébranlable*. — [En parlant des qualités, des sentiments, de leur expression]» [TR], ‘То, что невозможно нарушить, пошатнуть. Синоним — *inébranlable*. О качествах, чувствах, их выражении’. Прилагательное *imperturbable* выступает в функции Magn при словах *courage* — ‘смелость, мужество’, *sang-froid* — ‘хладнокровие’, *calme* — ‘спокойствие’, *froideur* — ‘холодность, сдержанность’, *fermeté* — ‘стойкость, решимость’, *gaieté* — ‘веселость’, *mémoire* — ‘память’ и т.д. [PR, 874; TR], ср. рус. *нерушимая смелость, *нерушимое хладнокровие, *нерушимая холодность, *нерушимая стойкость, *нерушимая решимость, *нерушимая веселость, *нерушимая память. Приведем несколько примеров, демонстрирующих специфику употребления французского прилагательного *imperturbable* в сравнении с аналогичными русскими единицами, выступающими в функции Magn: (а) *Avec le fond d’imperturbable confiance qu’il possédait, il s’était repris à espérer* (Jules Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours* (1872)). С присутствием ему непоколебимым оптимизмом⁸ он снова начал надеяться на успех [НКРЯ]. (б) “А

⁸ *Confiance* — ‘доверие’.

sept cent soixante-dix milles de Liverpool (300 lieues)”, répondit Mr. Fogg avec un calme imperturbable (Jules Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours* (1872)). В семистах семидесяти милях от Ливерпуля, — ответил мистер Фогг с невозмутимым спокойствием [Там же]. (в) *Je mettais tous mes soins à suivre le comte, et j’admirais l’imperturbable sagacité avec laquelle il se guidait sans boussole, et retrouvait toujours la direction idéale qu’il fallait suivre pour arriver au kapas* (Prosper Mérimée. *Lokis* (1869)). Я изо всех сил старался не отставать от графа и удивлялся, с какою безошибочной точностью (букв. ‘с невозмутимой пронизательностью’; *sagacité* — ‘пронизательность’), без компаса, держал он правильное направление, которого следовало держаться, чтобы добраться до капаса [Там же]. (г) *Elle était presque célèbre dans la congrégation pour cette véracité imperturbable* (Victor Hugo. *Les Misérables. Première partie. Fantine* (1862)). Эта непоколебимая правдивость снискала ей славу чуть ли не во всей конгрегации [Там же]. (д) — *Да не человек приходил, горничная, — с невозмутимым хладнокровием отозвался Захар* (И.А. Гончаров. *Обломов* (1848—1859)). — *Mais il n’est pas venu de domestique, seulement une servante, répliqua Zakhar avec un sang-froid imperturbable* [Там же].

Как и в случае с прилагательным *inguérissable*, в данном случае различие в функционировании французских и русских прилагательных в функции Magn обусловлено различием в семантике и, следовательно, в лексической сочетаемости, сфере употребления французского и русского глаголов, производными которых эти единицы являются. Ср., например: *Laissez-le! laissez-le! vous lui perturbez le moral avec votre mysticisme!* (Flaubert), букв. ‘Оставьте его в покое, вы вашим мистицизмом ослабляете его боевой дух’.

(3) Французское прилагательное *indomptable* — ‘неукротимый, необузданный’, образованное от глагола *dompter* — ‘укрощать’: «Dompter: 1. ♦ Réduire à l’obéissance (un animal sauvage, dangereux). ⇒ apprivoiser, dresser. *Dompter des fauves*» [PR, 898], ‘Укрощать, подчинять (диких, опасных животных) → приручать. Укрощать хищников’. Как и его русский аналог — прилагательное *неукротимый*, *indomptable* выступает в функции Magn. Однако список лексических единиц, при которых русская и французская единицы

используются в указанном значении, у французского слова шире. Ср.: *Orgueil, résistance, volonté, persévérance, indomptable* и *неукротимая гордость, *неукротимое сопротивление, *неукротимая воля, *неукротимая настойчивость. Это обусловлено различием в употреблении французского глагола *dompter* и русского глагола *укротить*: *dompter* также, в отличие от русского глагола, выступает в сочетании с именами, обозначающими чувства, эмоции и т.п., ср., например, *dompter son orgueil* и ?укротить свою гордость.

(4) Французское прилагательное *insurmontable* — ‘непреодолимый’, образованное от глагола *surmonter* — ‘преодолеть’: «Franchir un obstacle matériel en l’escaladant, en passant par dessus» [TR], ‘преодолевать препятствие, перелезая через него’. Глагол используется также в переносном значении: «*Surmonter les difficultés, la fatigue* <> *Surmonter son aversion, son chagrin, sa peur*» [Там же], ‘преодолеть трудности, усталость, <> преодолеть отвращение, печаль, страх’. Прилагательное *indomptable*, подобно его русскому аналогу, используется в функции Magn, например: *une insurmontable envie* — ‘непреодолимое желание’, *une insurmontable tentation* — ‘непреодолимое искушение’, *une insurmontable terreur* — ‘непреодолимый ужас’ и т.п. Но в употреблении французской и русской единиц есть и различия, например: «*une méfiance insurmontable des impies* (BERNANOS, Crime, 1935, p. 868)» [Там же], букв. ‘непреодолимое недоверие безбожников’ (*непреодолимое недоверие); *insurmontable espoir* [Там же], букв. ‘непреодолимая надежда’ (*непреодолимая надежда).

(5) Французское прилагательное *indécrottable* образовано от глагола *décrotter* — ‘счищать грязь, отмывать, очищать’ [ГТ и др.], развившего затем переносное значение ‘обтесать кого-либо’: «*Débarrasser (qqn) de ses manières grossières*» [PR, 892], ‘избавить (кого-л.) от грубых манер’. *Indécrottable*: «2 ♦ (Personnes) Fam. Qu’on ne parvient pas à débarrasser de ses manières grossières, de ses mauvaises habitudes» [Там же], ‘такой, которого невозможно избавиться от его грубых манер, дурных привычек’. «*Un lourdaud indécrottable* ⇒ *incorrigible, incurable, invétéré*. «*le paresseux est indécrottable*» [Там же]. *Lourdaud indécrottable* ≈ ‘до такой степени неповоротливый и ленивый, что его невозможно изме-

нить', *le paresseux indécorable* ≈ 'до такой степени ленивый, что его невозможно переделать'. «Quelqu'un dont on ne peut corriger ni la paresse ni le manque d'usages. Ces parvenus sont vraiment indécorables» [AD 1935], 'Человек, ни лень которого, ни отсутствие у него умения вести, держать себя, невозможно исправить. Эти выскочки совершенно неисправимы'. Прилагательное *indécorable* выступает также в роли Magn'a с именами, обозначающими качества человека, например: «*Une paresse indécorable*» [TR], букв. 'неизбавляемая лень'.

Модель 3. Субъектные Magn'ы. Субъектные Magn'ы, например, *бессовестная ложь, бессовестный обман, бездушный эгоизм*, отличаются тем, что «характеристика субъекта метонимически «перемещается» к абстрактному существительному в качестве Magn'a <...> у субъекта нет души, а не у эгоизма» [Кустова 2011, 261—262].

IV. Симптоматическая лексика в функции Magn'⁹.

Симптоматическая лексика — это средства, «передающие вовне информацию о внутреннем состоянии человека» [Аркадьев, Крейдлин 2011, 48]. Магны этого класса обозначают силу, интенсивность эмоции путем отсылки к субъекту эмоции. Симптоматическая лексика описывает реакцию человека на эмоцию или состояние человека, находящегося во власти такой эмоции.

Выражения, связывающие эмоцию и состояние человека, находящегося во власти этой эмоции (например, *не помнить себя от злости, вне себя от радости, сходить с ума от ревности, от беспокойства, не помнить себя от счастья, от злости, вне себя от злости, от радости*), соответствуют значению ЛФ Magn+Oper₁. Oper₁ — это глагол или выражение, соединяющее название первого участника ситуации в качестве подлежащего с названием самой ситуации (см. [Апресян 1974, 45; Мельчук 1995, 37]).

Выражения, связывающие эмоцию и реакцию человека на эту эмоцию (например, *побелеть от страха, онеметь от ужаса, покраснеть от удовольствия, замереть от удивления* и т.п.), соответствуют значению ЛФ Magn+IncerOper₁. Incer — 'начинать'.

⁹Мы представим здесь модели образования Magn'ов, представляющие, на наш взгляд интерес в типологическом аспекте. В основе этого раздела лежит наша работа [Иоанесян 2021].

В рамках этого класса выделяется два типа состояний: А. Состояние человека, не способного контролировать себя, поступки и действия которого как бы выходят из-под контроля его сознания. Б. Состояние человека подобно состоянию человека, испытывающего неприятные физиологические ощущения, слабость и т.п.

А. Состояние человека, поступки и действия которого выходят из-под контроля его сознания — человек как бы утрачивает способность адекватно воспринимать действительность и адекватно реагировать на нее. Например:

(1) Французское прилагательное *éperdu* имеет значение ‘потерявший голову под действием сильных эмоций’, ‘вне себя’, например: «*éperdu de bonheur, de joie* — потерявший голову <обезумевший, вне себя> от радости (от счастья)» [ГТ]; «*Qui a l'esprit troublé par la crainte ou par quelque autre passion. Tout éperdu d'amour*» [AD 1935], ≈ ‘человек, у которого страх или другая эмоция вызвали помутнение сознания. Совсем потерявший голову от любви’. Примеры из художественной литературы: (а) *Puis, je me redressai d'un saut pour regarder autour de moi! puis je me rassis, éperdu d'étonnement et de peur, devant le cristal transparent!* (Guy de Maupassant. *Le Horla* (1887). Затем вскочил и огляделся вокруг; затем снова сел, обезумев от недоумения и страха при виде прозрачного стекла! [НКРЯ]. (б) *Elle se souleva, éperdue d'épouvante, pour regarder son visage* (Maupassant, Guy de / *Fort comme la mort*). Не помня себя от ужаса, она привстала и посмотрела на его лицо [https://www.lingvolive.com], *éperdue d'épouvante* — ‘не помня себя от ужаса’.

На следующем этапе своего развития прилагательное *éperdu*, как и многие другие слова рассматриваемого класса, выступающие в ЛФ $\text{Magn}+\text{Oper}_1/\text{Magn}+\text{IncepOper}_1$, начинает использоваться и в значении субъектного $\text{Magn}'\text{a}$: «*Il se dit aussi d'un Sentiment violent ou d'un Geste, d'un air qui marque la violence de la passion. Amour éperdu*» [AD 1935], ‘Также о сильной эмоции или о жесте, внешнем виде, которые свидетельствуют о силе эмоции. Сильная любовь’. *Amour éperdu* — букв. ‘растерявшаяся, потерявшая голову любовь’ — субъектный Magn . Затем сфера употребления прилагательного расширяется — оно начинает употребляться в роли «обычного» $\text{Magn}'\text{a}$ при единицах других классов,

например: «2. Très violent (sentiment) → extrême, passionné, vif, violent. *Un besoin éperdu de bonheur*» [PR, 599], ‘2. Очень сильный (о чувстве) → чрезмерный, сильный. Огромная потребность в любви’, «*Un désir éperdu*» [TR], ‘огромное желание’.

(2) Французское прилагательное *fou* — ‘сумасшедший; безумный’: *fou de joie, de haine, d’inquiétude, de rage, de désespoir, de peur, d’horreur, de culpabilité* [DiCoPop; DDC; PR, 735] — букв. ‘сумасшедший от радости, ненависти, беспокойства, ярости, отчаяния, страха, ужаса, чувства вины’. Конструкция *fou de S* (S — название эмоции) используется для указания на то, что эмоция S достигла такой силы, что под ее воздействием человек частично теряет контроль над собой, над своими поступками¹⁰. Приведем несколько примеров из художественной литературы: (а) *J’étais fou de rage. Je m’écriai— Vous ne savez rien, Harry!* (Joël Dicker. *La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert* (2012)). Вне себя от бешенства, я воскликнул: — Ничего вы не знаете, Гарри! [НКРЯ]. (б) *Ce que vous m’avez proposé tout à l’heure me rendrait fou de joie* (Dumas fils, Alexandre / *La Dame aux Camélias*). То, что вы мне предлагали только что, меня безумно обрадовало [<https://www.lingvolive.com>], *me rendrait fou de joie* — ‘букв. ‘сделало бы меня безумным от радости’; в русском переводе использован «обычный Магн». (в) *Puis, comme l’autre continuait, disait que la petite descendait chaque nuit retrouver son amant, il l’avait traité de menteur, fou de colère* (Zola, Emile / *Au bonheur des dames*). А тот все не унимался и даже утверждал, будто малютка каждую ночь спускается к своему любовнику. В конце концов Делаш вне себя от гнева обозвал Фавье лжецом [Там же].

(3) Испанское прилагательное *loco* — ‘сумасшедший’, в конструкции с предлогом *de* и существительным, обозначающим эмоцию, используется для указания на пребывание субъекта в очень сильном эмоциональном состоянии: «Seguido de la preposición de y sustantivos que expresan sentimientos, estados de ánimo o sensaciones, se dice de quien los experimenta con gran intensidad *loco de rabia, loco de alegría*» [ELP], ‘в сочетании с предло-

¹⁰ Ср. употребление в аналогичном значении рус. *обезуметь, сходить с ума; не помнить себя, без памяти; вне себя* (см., например, толкование выражений *сходить с ума* и *вне себя* в [БФСРЯ, 119, 685]).

гом *de* и названиями чувств и состояний души о тех, кто испытывает эти чувства очень сильно: сумасшедший от ярости, сумасшедший от радости'. Примеры из художественной литературы: (а) ¡Ay!, cuando volvía a casa por las noches y decía: «Mariquilla, vamos bien, vamos muy bien», tú te volvías loca de contento (Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)). Ах! Когда я приходил домой по вечерам и заявлял: «Мария, милая, наши дела налаживаются», — ты просто с ума сходила от радости [НКРЯ]. (б) *Como aquel telegrama de 1949 que envió, loco de rabia, cuando el desembarco de antitrujillistas encabezado por Horacio Julio Ornes en la playa de Luperón, dentro de la provincia de Puerto Plata* (Mario Vargas Llosa. La Fiesta del Chivo (2000)). Так, например, в 49-м году он, вне себя от ярости, послал телеграмму, когда антитрухилисты во главе с Орасио Хулио Орнесом высадились у Луперона, в провинции Пуэрто-Плата [Там же]. (в) *De él que, cuando Trujillo le dio la espalda, casi se volvió loco de desesperación* (Mario Vargas Llosa. La Fiesta del Chivo (2000)). В нем, кто чуть с ума не сошел от отчаяния, когда Трухильо повернулся к нему спиной [Там же].

(4) Итальянское прилагательное *pazzo* — 'сумасшедший', в конструкции *pazzo di/per S* обозначает состояние человека, находящегося под сильным воздействием эмоции S: «*di chi è o sembra fuori di sé: diventare p. per il dolore, per la disperazione*» [VT], 'о том, кто кажется вне себя: стать сумасшедшим от горя, от отчаяния'. В аналогичной функции употребляется производный от *pazzo* глагол *impazzire* — 'сходить с ума': «*i. di gioia, di gelosia, dalla rabbia*» [VT], 'сходить с ума от радости, зависти, ярости'. Примеры из художественной литературы: (а) *L'avventuriero, pazzo di spavento, comprendendo ormai di essere perduto, si mise a urlare* (Emilio Salgari. Il corsaro nero (1898)). Понимая, что все пропало, проходимец вне себя от ужаса принялся кричать [НКРЯ]. (б) *И вдруг — трах, трах! — подхватил Коровьев, — выстрелы! обезумев от страха, мы с Бегемотом кинулись бежать на бульвар, преследователи за нами, мы кинулись к Тимирязеву!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)). *A un tratto: ta-ta-ta, — intervenne Korov'ev*

— sparano! Pazzi di terrore, Behemoth e io ci siamo precipitati sul viale, gli inseguitori alle calcagna, e noi via verso il monumento a Timirjazev! [Там же]

(5) Английское прилагательное *mad* — ‘сумасшедший’, в сочетании с предлогом *with* и именем эмоции маркирует эмоциональное состояние человека, утратившего контроль над собой: «completely unrestrained by reason and judgment: unable to think in a clear or sensible way: *mad with jealousy*» [MWD]. (a) *I went mad with rage. I threw a bottle of ink at him* (John Fowles. *The Collector* (1963)). Я просто рассудок потеряла от ярости. Швырнула в него пузырьком с тушью [НКРЯ]. (б) *Shasta, half mad with horror, managed to lurch towards the brute* (Clive Staples Lewis. *The Chronicles of Narnia. The Horse and His Boy* (1954)). Обезумевшему от ужаса Шасте удалось приблизиться к льву [Там же].

(6) Глаголы *délirer* (франц.) и *delirare* (ит.) обозначают нахождение в состоянии потери связи с действительностью, которое сопровождается бессмысленным потоком слов. В конструкции *délirer de S* и *delirare di S* глаголы являются показателями высокой интенсивности эмоционального состояния, обозначаемого дополнением S, ‘быть вне себя, сходить с ума’, например: *délirer de joie, de colère, de rage, d’impatience, de tendresse* [LFV; PR, p. 433; TR], букв. ‘бредить от радости, от гнева, ярости, нетерпения, нежности’ и т.п.; *delirare d’amore, di rabbia* [GDH], ‘сходить с ума от любви, от ярости’, букв. ‘бредить от ярости’.

(7) Английский глагол *to rave* — ‘бредить’, «to talk irrationally in or as if in delirium» [MWD], по-видимому, тоже может использоваться как Magn₂. См. в [НБАРС]: «to be raving with anger [with fury] — быть вне себя от гнева [от ярости]». *Я буду вопить от ужаса: спаси Меня от Смерти!* (Леонид Андреев. *Дневник Сатаны* (1918—1919). I shall rave with horror: “Save me from Death!” [НКРЯ].

(8) Французский глагол *défaillir* — ‘лишаться чувств, терять сознание’, используются в конструкции с предлогом *de* и названием эмоции. *Défaillir*: «manifester physiquement tel sentiment violent; perdre contrôle par; *On d~ de peur, de joie*» [LFV], ‘проявлять сильную эмоцию на физическом уровне; терять контроль над собой под действием этой

эмоции: *On d~ de peur, de joie* (букв. ‘теряют сознание от страха, от радости’). Примеры из литературы: (а) *Я жду, душа замерла у меня от нетерпения слышать, как из сердца у вас порывается чувство, каким именем назовете вы эти порывы, а вы... бог с вами, Ольга!* (И.А. Гончаров. *Обломов* (1848-1859)). *Tandis que mon âme défaille d’impatience, que je rêve d’entendre un aveu s’échapper de votre cœur, de savoir quel nom vous donnerez à cet élan* [НКРЯ]. (б) *Berk. J’en défailis presque de dégoût* (Werber, Bernard / *Les Thanatonautes*). Во тошниловка-то! [<https://www.lingvolive.com>].

(9) Французский глагол *pâmer (se)* — ‘лишаться чувств, терять сознание’: «*tomber en syncope, perdre connaissance. Il n’en peut plus, il pâme (Ac.)*» [TR], ‘падать в обморок, терять сознание. Он не выдерживает, падает в обморок’. Глагол используется и в ослабленном значении, в функции *Magp*, обозначая высокую степень проявления эмоции: «*Manifester avec plus ou moins d’affectation une émotion vive. Se pâmer d’admiration*» [TR], ‘проявлять, с большей или меньшей степенью аффектации, сильную эмоцию. Млеть от восторга’. «*Se laisser aller au transport de la joie, de l’admiration. Le public se pâme devant ce tableau. Il n’y a pas de quoi se pâmer*» [AD 1935], ‘приходить в восхищение. Публика в восторге от этой картины. Здесь не от чего приходить в восторг’. Примеры из художественной литературы: (а) *Теперь от любви редко кто млеет* (Светлана Алексиевич. *Время секунд хэнд* (ч. 2) (2013)). *Aujourd’hui, il est rare qu’on se pâme d’amour* [НКРЯ]. (б) <...> *а потом они вошли в гостиную, кабинет и ахали от удовольствия* (Л.Н. Толстой. *Смерть Ивана Ильича* (1882—1886)). <...> *ensuite l’on passa au salon et dans le cabinet de travail; tout le monde se pâmait d’aise* [НКРЯ], *se pâmait d’aise* — букв. ‘теряли сознание от удовольствия’. (в) *Couleurs, parfums, sonorités, frissons, tout restait vague, transparent, innommé, pâmé d’un bonheur allant jusqu’à l’évanouissement des choses* (Zola, Emile / *La Faute de l’Abbé Mouret*). Краски, запахи, шумы и трепет – все было здесь смутно, прозрачно, неопределенно, все млело, теряло сознание от счастья [<https://www.lingvolive.com>].

(10) Прилагательные *ivre*, *enivré* (франц.), *ebrio* (исп., порт.), *ebbro* и *ubriaco* (ит.) — ‘пьяный’. В состоянии опьянения различают две стадии: 1) легкое опьянение, в состоянии которого человек чувствует себя легко и раскованно; в основе значения русских *упоение*, *упоенный*, одного из переносных значений прилагательного *ivre* и др. лежит компонент ситуации опьянения ‘радостное, восторженное состояние’; 2) утрата самоконтроля, способности критически оценивать ситуацию. И у *ivre*, *enivré*, *ebrio*, *ebbro* и *ubriaco* отмечается второй класс переносных значений, в основе которых лежит другой компонент фрейма ‘опьянение’, а именно: ‘спутанность сознания, утрата самоконтроля’. В выражениях *ivre / enivré de S*, *ebrio de S*, *ebbro*, *ubriaco di S*, где *S* — название эмоционального состояния (например, *ivre d’amertume*, *de colère*, *de désespoir*, *d’horreur*, *de rage*, *de vengeance*, букв. ‘пьяный от горечи, гнева, отчаяния, ужаса, ярости, мести’), эти прилагательные выступают в функции Magn, указывая на такую интенсивность эмоции, при которой поступки человека выходят из под контроля его сознания [TR; DRAE; VT; GDH].

Б. Состояние человека, подобное состоянию человека, испытывающего неприятные физиологические ощущения, слабость и т.п.

(1) Французские прилагательные *malade*, английские прилагательные *ill* и *sick* — ‘больной’, выступают в функции Magn’a при лексических единицах, обозначающих негативные эмоциональные или ментальные состояния. В основе этого значения у названных единиц лежит компонент фрейма ‘болеть’ — ‘испытывать неприятные физиологические ощущения’. *Malade*: *malade de colère*, *d’humiliation*, *d’anxiété*, *de chagrin*, *de dégoût*, *de haine*, *d’impatience*, *de jalousie*, *de peur*, *de tristesse* [DDC; LFV; TR], букв. ‘больной от гнева, от чувства унижения, от тревоги, от печали, от отвращения, от ненависти, от нетерпения, от зависти, от страха, от грусти’. Прекращение негативного состояния, «излечение» описывается глаголом *guérir* ‘выздоровливать’, например: *guérir de l’anxiété*, *de peur* — букв. ‘выздороветь от беспокойства, от страха’. К сожалению, в английских толковых словарях у *ill* указанное значение не отмечается, но в словаре [НБАРС] приведен пример *she is ill with anxiety* — её мучает тревога. Встречаются подобные примеры и в

художественной литературе: <...> *made Harold feel ill with terror* (Stephen King. *The Lawnmower Man* (1975)). *Sick* имеет два значения — ‘больной’ и ‘испытывающий тошноту’. В сочетании с предлогом *with*, после которого идет имя эмоции, *sick* выступает в значении Magn: «deeply affected with some unpleasant feeling» [ID].

(2) Французские глаголы *mourir*, *crever* — ‘умирать’, *périr* — ‘погибать’, в сочетании с предлогом *de* и названием эмоции обозначают нахождение субъекта в очень тяжелом, мучительном эмоциональном состоянии: «MOURIR DE: être très affecté par; souffrir de» [PR, 1121]. Например: *mourir de peur, de chagrin, de dépit, de rage, d'amertume, de tristesse* [TR; DiCoPop], ‘умирать от страха, от печали, от досады, от ярости, от горечи, от грусти’. См. также рус. *умирать*: «Лишаться сил, изнемогать под воздействием каких-либо сильных ощущений, чувств, страстей и т.п.» [Ефремова]. Заметим, что в некоторых случаях, русский глагол *умирать* является лишь показателем сильной эмоции, не отягощенной никакими страданиями. Так, *умирать от скуки* значит просто ‘очень сильно скучать’. Глаголы *morire* (ит.), *morrer* (порт.) — ‘умирать’ тоже используются в качестве маркера нахождения под властью сильной эмоции: «*morire di piacere, di felicità; <...> di rabbia, d'invidia*» [VT], букв. ‘умирать от удовольствия, от счастья <...> от ярости, от зависти’; *morrer*: «*morrer de fome; morrer de saudades*» [PRB], ‘умирать от голода, от тоски’. Такая же функция есть и у немецкого глагола *sterben*: «*sterben <in übertragener Bedeutung>: vor Angst, Scham, Langeweile, Neugier*» [Duden], ‘перен. умирать от страха, стыда, скуки, любопытства’. Аналогичное употребление имеет и английский глагол *to die*: «to be overwhelmed by emotion: *die of embarrassment*» [MWD].

(3) Прилагательные *mort* (франц.), *morto* (ит.), *muerto* (исп.), *dead* (англ.) — ‘мертвый’, *demi-mort* (франц.), *half-dead* (англ.), *halbtot* (нем.) — ‘полумертвый’, рус. *мертвый*, *полумертвый* и др. маркируют потерю под действием сильной эмоции свойств, присущих живому человеку (например, потерю чувствительности). *Dead*: «bereft of sensation; numb: *He was half dead with fright. My leg feels dead*» [ID]. Ср. определение рус. *омертветь*: «Стать неподвижным, безжизненным, бесчувственным» [Ефремова].

Реакции человека на сильную эмоцию могут проявляться в изменении параметров звучания: «под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре *дрожит*, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*» [Крейдлин, 2002, 30]. Временная потеря дара речи также является симптомом сильной эмоции. Во французском языке, например, это маркируется прилагательным *muet* (*être, rester muet*) — ‘немой’, выражением *perdre la parole / perdre le don de la parole* — ‘терять дар речи’: *être, rester muet d’admiration, d’étonnement, d’indignation, de peur* — ‘потерять дар речи от восхищения, удивления, негодования, страха’ и т.п. Аналогично используются португальский и итальянский когнаты *mudo* (см. [MMD; VT]). См. также англ. *speechless* — ‘лишившийся дара речи, онемевший’, «*speechless with alarm*» [ID], нем. *stumm* — ‘немой’: «*er war stumm vor Schreck (konnte vor Schreck nichts sagen)*» [Duden], ‘он онемел от страха (ничего не мог сказать от страха)’ и др. Противоположной реакцией на сильную эмоцию могут стать: 1) громкие крики, вопли, например, франц. *hurler* — ‘выть; вопить’ (*hurler de désespoir, de douleur, de terreur, d’épouvante, de joie* — ‘выть от отчаяния, от боли, от страха, от ужаса, вопить от радости’); 2) действия, которые могут сопровождаться звуками, например франц. *pleurer* — ‘плакать’ (*pleurer de dépit, d’admiration, de rage* — ‘плакать от досады, от восхищения, от ярости’). Реакция на сильную эмоцию может заключаться во временной потере способности двигаться (напр., франц. *immobile d’étonnement* [TR] — ‘неподвижный от удивления’), в неконтролируемых физиологических реакциях (например, покраснение в случае стыда), в жестикуляции (например, прикрыть рот от изумления; см. о различии неконтролируемых физиологических реакций на эмоцию и симптоматических жестов в [Крейдлин, 2002, 114]) и т.д.

Существует также класс симптоматических единиц в функции Magn со встроенной эмоцией, например:

(1) Французское прилагательное *fou* (см. выше, п. А): «FOU DE (qqn, qqch.): qui a un goût extrême pour ⇒ amoureux, engoué, entiché, passionné. *Elle est folle de lui. Être fou de musique, de peinture*» [PR, 735], ≈ ‘FOU DE (qqn, qqch.): тот, кто испытывает сильное при-

страстие к кому-л., чему-л. Она без ума от него. Она безумно любит музыку, живопись'. Таким образом, у французского прилагательного встроенной эмоцией является сильное влечение к чему-л., кому-л. Примеры из художественной литературы: (а) *Je ne suis pas fou de votre Jésus, qui prêche à tout bout de champ le renoncement et le sacrifice* (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)). Я не в восторге от вашего Иисуса, который на каждом шагу проповедует отречение и жертву [НКРЯ]. (б) *А знаете, Разумихин от вас без ума* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). Mais savez-vous que Razoumikhine est fou de vous [НКРЯ]. (в) *Toujours plus fou de toi, dit-il en jetant son chapeau sur le divan de la fleuriste* (Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832)). От тебя я с каждым днем все больше и больше без ума, — сказал он, бросая шляпу на диван [Там же].

Производный от *fou* глагол *s'affoler* означал 'терять голову под влиянием сильных эмоций'. Однако со временем глагол стал использоваться только для обозначения состояния, вызванного страхом «À l'époque actuelle le sentiment qui commande l'acte d'affoler est le plus souvent la peur» [TR], ≈ 'в настоящее время эмоцией, вызывающей действие *affoler*, чаще всего является страх'.

(2) Русское выражение *сходить с ума* (по кому-л., чему-л.): «Страстно мечтать, проявляя безрассудство. Имеется в виду, что лицо (X), испытывая чрезмерное влечение к другому лицу (Y), к какому-л. предмету, вещи (Z), ведёт себя излишне эмоционально, до нелепости восторженно <...> *Не по летам рано начал он ухаживать за девушками, и, как сказывала Верочка, некоторые по нему с ума сходят*. В. Соколов, Вторжение» [БФСРЯ, 686]. Заметим, что в этих случаях и *fou*, и рус. *сходить с ума* обозначают не эмоциональное состояние, а эмоциональное отношение (см. о различии эмоциональных состояний и отношений в [Зализняк, 2006, 444]).

(3) Английское прилагательное *mad* (см. выше, п. А) выступает в двух функциях — в функциях Magn со встроенными эмоциями любви, пристрастия к кому-л., чему-л. и гнева, ярости: «4. (about, after, for, on) разг. страстно любящий, обожающий (что-л., кого-л.); страстно влюблённый (во что-л., в кого-л.); *mad about/on/ music* — помешанный на

музыке; (about, after, for, on) разг. страстно любящий, обожающий (что-л., кого-л.); страстно влюблённый (во что-л., в кого-л.); *mad about /on/ music* — помешанный на музыке» [НБАРС]; «3. informal: intensely angry or displeased. *What are you so mad about? Everyone was mad about the delay.* 4. carried away by enthusiasm or desire: extremely or excessively fond of or enthusiastic about something or someone: *mad about horses; there is a nouveau riche demographic mad for diamonds and Lamborghinis* ...— Kevin D. Williamson» [MWD]. Примеры из художественной литературы: (а) *Carlington was mad after her* (Wilde, Oscar / *The Picture of Dorian Gray*). Сам Карлингтон был от нее без ума [<https://www.lingvolive.com>]. (б) *Of course, she was mad at him. But she could overlook such things at a time like this* (Mitchell, Margaret / *Gone with the wind*). Конечно, она зла на него, он говорил совершенно непозволительные вещи, когда они виделись в последний раз, но в такую минуту, как сейчас, на это можно посмотреть сквозь пальцы [Там же]. (в) *They were mad at the Government for not making sure that escapes from prison were impossible* (Kurt Vonnegut. *Hocus Pocus* (1990)). Они были глубоко возмущены тем, что Правительство не сумело сделать побег из тюрем практически невозможными [НКРЯ].

В этом классе Magn'ов часто встречаются и лингвоспецифичные единицы, например, конструкции с французским глаголом *pâmer (se)* — ‘лишаться чувств, терять сознание’ (см. выше). В конструкциях вида *se pâmer à, devant qqn, qqc.* (букв. ‘терять сознание перед кем-л./чем-л.’) глагол может выступать в роли предиката со встроенной эмоцией — эмоцией восторга (admiration): «*Se pâmer à, devant qqn, qqc. <...> Être affecté de, affecter la plus grande admiration pour quelqu'un, pour quelque chose*» [Там же], ‘*Se pâmer à, devant qqn, qqc.* означает испытывать или делать вид, что испытываешь необыкновенно сильное восхищение кем-то или чем-то’.

Существует класс имплицативных моделей, обозначающих высокую степень эмоции человека, его эмоционального состояния через их симптоматические проявления —

реакции человека на эту эмоцию или внешние признаки такого состояния¹¹: ‘Степень эмоции P так высока, что способна вызвать симптом R’. Например:

(1) Во французском языке модель этого типа представлена конструкциями S/V/Adj à V_{inf}, где S, V, Adj — название эмоции или какого-л. свойства, V_{inf} — инфинитивная форма симптоматического глагола (см., [Tutin 2012]), например:

Глагол *mourir* — ‘умирать’: *s’ennuyer à mourir* — ‘смертельно скучать’, ‘так скучать, что можно умереть’; *s’ennuyer* — ‘скучать’; ср. *mourir d’ennui* — ‘умирать от скуки’. Примеры из художественной литературы: (а) *А то значит, что вы все надоели мне смертельно, и я хочу быть один, – спокойно отвечал Раскольников* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). *Cela signifie que vous m’ennuyez tous à mourir et que je veux être seul, répondit Raskolnikov avec calme* [НКРЯ]. (б) *Тезкин тосковал, пил наливку из клубники и малины, листал старые журналы, а из книг читал только Библию и ждал знамения* (А. Н. Варламов. Лох (1995)). *Tiozkine s’ennuyait à mourir, buvait des jus de fraises et de framboises fermentées, feuilletait de vieilles revues, en fait de livres ne lisait que la Bible et attendait un signe d’en-haut* [Там же]; русскому глаголу *тосковать* в переводе соответствует конструкция *s’ennuyer à mourir*.

Глагол *périr* — ‘погибать’: *ennuyeux à périr* — ‘смертельно скучный’, ‘такой скучный, что можно умереть’; *ennuyeux* — ‘скучный’; ср. *périr d’ennui* — ‘умирать со скуки’: «*Périr d’ennui, s’ennuyer à périr. Pour m’empêcher de mourir de fatigue, il me fait périr d’ennui* (JOUY, Hermite, t. 5, 1814, p. 285). *Comme elle s’ennuyait à périr dans la classe, mademoiselle la laisse par pitié venir avec nous* (COLETTE, Cl. école, 1900, p. 249)» [TR], ‘Погибать от скуки, смертельно скучать. Чтобы не дать мне умереть от усталости, он меня заставил умирать от скуки. Поскольку она смертельно скучала на занятиях, мадмуазель из жалости позволяла ей приходиться вместе с нами’.

Глагол *pleurer* — ‘плакать’. «*Triste à (faire) pleurer*» [PR, 1325] — ‘очень грустный’, ≈ ‘грустный до слез’ (ср. рус. *Магн до слез* [КСРИД]). *Ce film est triste à pleurer* —

¹¹ См. подробнее о симптоматической лексике в функции *Магн*’а в статье [Иоанесян 2019б].

‘этот фильм очень грустный’, букв. ‘такой грустный, что заставляет плакать’. Слезы являются одним из симптомов грусти; *Attendrissant à pleurer* — ‘очень трогательный’, ≈ ‘трогательный до слез’; *attendrissant* — ‘трогательный’; ср. *pleurer d’attendrissement* — ‘плакать от умиления’. Выражения типа *bête à pleurer* — ‘такой глупый, что хочется плакать’ означают ‘такой глупый, что от жалости хочется плакать’. Примеры из художественной литературы: (а) *Там была масса смешных вещей и трогательных до слез* (Светлана Алексиевич. *Время секонд хэнд* (ч. 1) (2013)). *Il y avait des tas de choses drôles et attendrissantes à pleurer* [НКРЯ]. (б) *Paris était ravissant, bleu à pleurer en ce début de printemps* (Sagan, Françoise / *Un peu de soleil dans l’eau froide*). Париж был восхитителен до слез в горле своей ранней весенней голубизной [<https://www.lingvolive.com>].

Глагол *hurler* — ‘выть, вопить’: *douloureux à hurler* — ‘очень мучительный’, ≈ ‘такой мучительный, что хочется выть’, *douloureux* — ‘мучительный’; ср. *hurler de douleur* — ‘вопить от боли’. «*C’est à hurler, à faire hurler. L’art me donne quelquefois des désespoirs à hurler, des fatigues à en mourir* (FLAUB., *Corresp.*, 1860, p. 264) [TR], ‘*C’est à hurler, à faire hurler*. Искусство иногда приводит меня в такое отчаяние, что хочется выть (‘вызывает такое сильное отчаяние’), вызывает смертельную усталость’.

Глагол *pâmer (se)* — ‘млеть от восхищения’ (глагол со встроенной эмоцией восхищения, см. выше): «*Qqс. à faire pâmer qqn.*» — ‘восхитительный’, «*Quelque chose à transporter quelqu’un de ravissement. Un clair de lune à faire pâmer notre ami* (BARBEY D’AUREV., *Memor.* 1, 1838, p.150) [TR], ‘То, что заставляет кого-то прийти в восхищение. Лунный свет, который привел в восхищение нашего друга’. Пример из художественной литературы: *Quelques asperges vertes, grosses, tendres à s’en pâmer* (Barbery, Muriel / *Une Gourmandis*). Несколько зеленых стеблей спаржи, мясистых, нежных — обедение [<https://www.lingvolive.com>].

(2) Аналогичная модель представлена в итальянском языке. Итальянский глагол *morire* — ‘умирать’: «*una paura da morire* — ‘смертельный страх’, ‘такой страх, что можно умереть’: «*Locuz. prep.: fam., da morire [in maniera estrema: mi piace da m.]* [SCT], ≈

‘предложная конструкция *da morire* [очень сильно: *mi piace da m.* — ‘мне очень нравится’]. Ср. *morire di paura* — ‘умирать от страха’. Пример из художественной литературы: *Если бы не он, то вы не пришли бы ко мне. Мне скучно до смерти!* (А. П. Чехов. Рассказы (1885-1903)). *Senza di lui, non sareste venuto. Mi annoio da morire!* [НКРЯ].

Итальянский глагол *impazzire* — ‘сходить с ума’, *mi piace da impazzire* — ‘безумно нравится’, ‘так нравится, что можно сойти с ума’: «*Da impazzire, moltissimo, oltre ogni limite*» [GDH], ‘очень сильно, безгранично нравится’. Ср. рус. *Мажн до безумия*. Пример из художественной литературы: *Она ходила по музеям, в ГУМ и ЦУМ, восхищалась длиной очереди* (Юрий Дружников. Ангелы на кончике иглы (1988)). *Aveva visitato tutti i musei possibili e immaginabili, le piaceva da impazzire fare code lunghissime* [НКРЯ]. Интенсивность эмоции — эмоции, обозначаемой словом *восхищение*, передана в итальянском переводе конструкцией *piacere da impazzire*.

(3) Похожая модель представлена в русском языке конструкцией вида *V до S_{род.п.}*, например: *волновать, расстроить, расстроиться, расстрогать до слез, противно до тошноты, ревнивый, ревновать до умопомрачения* и т.п.

Некоторые французские выражения, построенные по этой модели, представляются лингвоспецифичными, например:

(1) *Barbare à donner le frisson* — ‘очень жестокий’, букв. ‘такой жестокий, что вызывает дрожь’. Дрожь — один из симптомов страха.

(2) Уже упомянутая конструкция *douloureux à hurler* — ‘очень мучительный’, букв. ‘такой мучительный, что заставляет вопить, выть’, ср. *мучительный до вытья.

(3) *Faux à vomir* — ‘очень лживый’, букв. ‘такой лживый, что вызывает тошноту’; *gris à gerber* — ‘очень пьяный’, букв. ‘такой пьяный, что вызывает тошноту’, ср. *пьяный до тошноты. Тошнота является симптоматическим проявлением отвращения (все французские примеры взяты из работы [Tutin 2012, 604—605]). *Laid à vomir* — ‘очень уродливый’, букв. ‘такой уродливый, что вызывает тошноту’: *Parce que ce monde est laid, à vomir* (Frédéric Beigbeder. 99 francs (1997-2000)). Потому что мир уродлив до тошноты [НКРЯ];

русский перевод французской конструкции представляется нам неприемлемым. В любом случае этого выражения нет в [КСРИД], составленного по корпусу [НКРЯ], из которого взят этот пример.

В английском языке эта метонимическая модель представлена несколькими вариантами, приведем примеры из художественной литературы (корпус [НКРЯ]): (а) *They had never seen animals behave like this before, and this sudden uprising of creatures whom they were used to thrashing and maltreating just as they chose, frightened them almost out of their wits* (George Orwell. *Animal Farm* (1945)). Ничего подобного люди никогда не видели, и этот неожиданный бунт тех самых животных, которых они как только ни притесняли и ни колотили, перепугал их до потери сознания. (б) *<...> his daughter, frightened almost out of her senses, sat on the edge of her chair, not knowing which way to look* (Jane Austen. *Pride and Prejudice* (1813)). Его дочка, напуганная почти до бесчувствия, уселась на самый краешек стула, не смея поднять глаза. (в) *Well then you came in like a ghost or goodness-knows-what and nearly frightened the lives out of us* (Clive Staples Lewis. *The Chronicles of Narnia. The Last Battle* (1956) А когда вы появились перед нами как привидение или Бог знает что, испугали до потери сознания. (г) *I heard more men coming, my cook was lying quiet on the other side of the counter, stunned or scared speechless* (H. G. Wells. *The Invisible Man* (1897)). Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушенный ударом или перепуганный до потери сознания. (д) *She was on her way to see Gerard, her husband, the man she'd once loved to distraction* (Miranda Lee. *Fugitive Bride* (1998)). Она скоро увидит Джерарда, своего мужа, которого она когда-то любила до безумия. (е) *He adores me to the point of insanity* (Vladimir Nabokov. *Ada, or Ardor* (1968)). Он чуть ли не до безумия обо- жает меня.

V. Модели, в основе которых лежат инцидентные следствия¹². Одним из источников появления у слова значения интенсивности — Magn, или противоположного значения — ‘слабая степень’, лексическая функция AntiMagn, являются инцидентные

¹² В основе этого раздела лежит статья [Иоанесян 2021].

следствия соответствующей прототипической ситуации. Инцидентными следствиями мы называем стандартные ассоциации, которые в картине мира языка связывают данную ситуацию (или компонент этой ситуации) с некоторой другой¹³. Инцидентные следствия часто лингвоспецифичны. Приведем примеры образования Magn‘ов и AntiMagn‘ов, в основе которых лежат инцидентные следствия.

Как показывает материал, во многих языках, скромность человека часто ассоциируется со слабостью, и, следовательно, с небольшой величиной (ЛФ AntiMagn)¹⁴. Приведем примеры семантического перехода ‘скромный’ → AntiMagn:

(1) Русское прилагательное *скромный* выступает также в значении ‘небольшой’: Небольшой, незначительный» [Ефремова]. *Наум Коржавин значительную часть своих скромных доходов тратил тоже на эти шкурки* (Владимир Войнович. Дело № 34840 (1999)) [НКРЯ].

(2) Французское *modeste*, итальянское *modesto*, происходящие от лат. *modestus*, имеют значения ‘скромный’ и ‘небольшой’, напр., франц. *modeste* — ‘скромный’ и ‘небольшой’: «3 De peu d’importance. ⇒ petit. *Des gens d’une qualité intellectuelle très modeste*» [PR, 1098], ≈ ‘небольшой величины → маленький. Люди небольшого интеллекта’. Ит. *modesto*: «1. a. Di persona che non ama mettere in mostra i propri meriti <...> Quantitativamente scarso, esiguo, limitato: *m. salario; m. ricompensa*» [VT], ≈ ‘О человеке, который не любит выставлять свои заслуги напоказ <...> Количественно ограниченный: скромный оклад, скромное вознаграждение’. Аналогичный путь семантического развития прошло и английское прилагательное *modest*: «Mid. 16th century from French *modeste*. 1. Unassuming or moderate in the estimation of one’s abilities or achievements. *He was kind, generous and always modest about his achievements*. 2. of an amount, rate, or level relatively moderate, limited, or small. *Employment growth was relatively modest*» [OD].

¹³ Ср. с определением инцидентных следствий в работе [Падучева 2004, 131].

¹⁴ См., напр., толкование русского прилагательного *слабый* в словаре Ожегова [ОЖ]: «3. Малый, незначительный. *Слабый ветер*».

Робость тоже в языке может ассоциироваться со слабостью и малой величиной, что находит подтверждение в семантическом развитии языковых единиц, семантических переходах вида ‘робкий’ → AntiMagn, например:

(1) Рус. *робкий*: «перен. Проявляющийся не в полную силу» [Ефремова]. *Когда после первых робких успехов экспедиции началась полоса сплошных неудач, Корнилов <...> решил, что место, где они копают, конечно, безнадежное* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть) [НКРЯ]. См. также перевод немецкого *leicht* — ‘легкий, небольшой’ — русским прилагательным *робкий*: *Selbst die leichte Hoffnung <..> sie werde mir beim Verlassen ihrer Kammer ihr elektrisch beleuchtetes Gesicht zeigen, mußte ich begraben* (Günter Grass. Blechtrommel (1959)). Даже робкую надежду, что, уходя, она хоть покажет свое лицо при электрическом свете, мне пришлось оставить [НКРЯ].

(2) Французские прилагательное и наречие *timide* и *timidement* — ‘робкий’ и ‘робко’, исп. *timido* — ‘робкий’ имеют также смысл ‘небольшой’. Например, *timido*: «De poca intensidad» [DCD], ‘маленькой интенсивности’, «Ligero, débil, leve: *el enfermo manifestaba una tímida mejoría*» [DLLE], ‘легкий, слабый: у больного отмечены небольшие улучшения’.

(3) Английские *timid* и *timidly* (также восходящие к лат. *timidus*) используются в качестве AntiMagn’a. Хотя в толковых словарях это значение у них не выделяется, примеры их употребления в этой функции встречаются часто: *But progress has been timid and slow*. Times, Sunday Times (2008) [CAED]. *Still, for all the fresh creative thinking, the concerts of the Mostly Mozart orchestra at David Geffen Hall remained, over all, timidly conventional* (New York Times Aug 20, 2017) [<https://www.vocabulary.com/dictionary>].

Напротив, в отличие от робости, наглость и беззастенчивость, ассоциируются с силой и большой интенсивностью. См., например, рус. *наглый* и *нагло*, *беззастенчивый* и *беззастенчиво*, у которых в [КСРИД] отмечено значение Magn: *наглая агрессия/ложь, наглый обман, нагло врать/издеваться, беззастенчивый лжец/обман, беззастенчиво*

лгать и т.д. (см. другое объяснение возникновения смысла Magn у этих единиц в [Кустова 2011, 265]).

Ассоциативная связь между силой и наглостью представлена обратным семантическим переходом Magn → ‘наглый’, имевшим место в истории французского прилагательного *insolent* (от лат. *insolens*), выступающего в значениях ‘очень большой’ и ‘наглый’, например: (а) «*Avoir une chance insolente: incroyable, inouï*» [SD, 439], ‘иметь огромный шанс: невероятный, неслыханный’. (б) «*Air, ton insolent*» [PR, 915], ‘наглое выражение лица, наглый тон’. Исходное значение прилагательного — ‘необычный, непривычный’. Далее от значения ‘необычный’ произошел переход к значению ‘чрезмерный, слишком большой’, а от этого последнего — к значению ‘наглый’. Именно так описано развитие прилагательного в словаре [EL]: «ÉTYMOLOGIE: Lat. *insolentem*, <...> *inaccoutumé*; de là on passe au sens de *immodéré, excessif*, puis à celui d’un *insolent*; toutes ces acceptations sont dans le latin», ≈ ‘Этимология. Лат. *insolentem*, <...> непривычный; отсюда переход к значению чрезмерности, затем — к наглости; эти значения были и в латыни’. Аналогичная полисемия отмечается и у наречия *insolemment*.

Еще одна ассоциативная связь — ассоциация грубости с силой, отражена в семантических переходах ‘грубый’ → ‘Magn’. В работе [Рахилина, Карпова, Резникова 2009, 423] отмечается, что в основе этой семантической деривации лежит конвенциализованная импликатура: «грубо разговаривать предполагает идею громкости, агрессивности, из чего рождается представление об интенсивности действия и, соответственно, большой степени». Необходимо отметить, что в основе появления значения Magn у французского прилагательного *grossier* ‘грубый’ толковые словари усматривают иную ассоциативную связь: ‘грубый человек’ → ‘очень глупый, невежественный, неловкий, неумелый’ → ‘очень плохо выполняет определенные действия, делает большие ошибки’. Например: «*Qui n’a pas été dégrossi, poli par la culture, l’éducation. ◇ Par ext. Cour. Digne d’un esprit peu subtil, peu cultivé. ⇒ gros, maladroit. Faute, erreur grossière. ⇒ grave, lourd. Ignorance grossière*» [PR, 811], ≈ ‘Некультурный, необразованный. Перен. То, что характерно для не-

утонченного, малообразованного человека → неумелость, неловкость. Грубая ошибка → большая, серьезная ошибка. Грубое невежество'. «GROSSIER, se dit encore figurément, au sens moral, De ce qui suppose beaucoup d'ignorance, de sottise, de déraison ou de maladresse. *Erreur grossière*» [AD 1935], 'GROSSIER используется также в переносном смысле — о том, что предполагает большое невежество, глупость, неразумие, неумелость. Грубая ошибка'. В дальнейшем сфера использования *grossier* в функции Magn'a расширяется (напр., *contradiction grossière* — 'грубое противоречие'), что характерно для многих степенных слов.

Полисемия французских прилагательного и наречия *étroit* и *étroitement*, испанского прилагательного *estrecho* эксплицирует еще одну ассоциативную связь между двумя разными ситуациями в картине мира этих языков. Одно из значений французского прилагательного *étroit*, унаследованное от лат. *strictus*, — 'узкий', напр., *un étroit sentier* 'узкая тропинка'. Базовый компонент другой группы значений прилагательного *étroit* — смысл 'недостаток пространства': «Gén. avec l'idée péj. d'un manque d'espace» [TR]¹⁵, ≈ 'идея недостаточности пространства'. Это лежит в основе его значений 'тесный': *vêtements trop étroits* 'слишком тесная одежда', *logement étroit* 'тесная квартира', *être logés bien à l'étroit* 'жить в тесноте'. Существует еще и другой круг употреблений прилагательного, в котором сочетание *étroit* + S имеет значение ≈ 'такое S, элементы которого плотно прилегают друг к другу'. Например, *un nœud étroit* — 'тугой узел'; ср. рус. *тугой узел, канат, коса*. Как представляется, плотное прилегание частей объекта друг к другу ассоциируется с сильной связью между ними, а также с крепкостью, прочностью, силой самого объекта. Это лежит в основе появления значения Magn у прилагательного *étroit* в сочетаниях типа *une étroite alliance* — 'прочный союз', *une étroite cohésion*, — 'большая сплоченность', *une étroite collaboration* — 'тесное сотрудничество' и т.п. Показательно, что именно пространственной близостью компонентов объясняется возникновение рассматриваемого значения французского прилагательного в словаре [TR]: «avec l'idée d'une union que

¹⁵ «Étymol. et Hist. Ça 1100 [si chevalchent] es treiz «en rangs serrés» [TR], 'Этим. ист. 1100 es treiz «верхом сомкнутыми рядами»; сомкнутые ряды — 'сближенные вплотную'.

favorise le peu d'espace ou de distance entre les choses ou les êtres», ≈ букв. 'с идеей о слиянии, сплочении, которым благоприятствует маленькое расстояние между вещами или людьми'.

Как видно из уже приведенного выше материала, конструкции с прилагательным *étroit* в значении ЛФ Magn'a часто являются лингвоспецифичными. Приведем примеры из художественной литературы: (а) *Sans que personne ne s'en rende compte, Aurora faisait l'objet d'une étroite surveillance* (Joël Dicker. *La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert* (2012)). Аврора находилась под усиленным, хотя и негласным наблюдением. [НКРЯ]. (б) *Enfin, pour prévenir tout danger de collusion entre l'ennemi et la population, la censure est renforcée: journaux russes et étrangers circulant en Russie sont surveillés, théâtres et cafés sont placés sous le contrôle étroit des gouverneurs ou des gouverneurs-généraux* (Marie Pierre Rey. *L'Éfroyable tragédie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie* (2012)). Чтобы предотвратить всяческое сотрудничество между вражеской армией и населением, была усилена цензура: иностранные и русские газеты в России попали под наблюдение, театры и кафе оказались под строгим контролем губернаторов и генерал-губернаторов [Там же]. (в) *Le monde s'acheminait vers un âge de force, de santé, d'action virile, et peut-être de gloire, mais d'autorité dure et d'ordre étroit* (Rolland, Romain / Jean-Christophe Tome IV). Мир идет к веку силы, здоровья, мужественной деятельности и, быть может, славы, но в то же время к веку твердой власти и жестокой дисциплины [<https://www.lingvolive.com>]; *d'ordre étroit* — букв. 'узкого порядка'.

Испанское прилагательное *estrecho*, когнат французского прилагательного *étroit*, имеющее значения 'узкий', 'тесный', 'сжатый', тоже выступает в функции Magn'a: «Referido esp. a una relación, que es muy íntima o que se asienta en fuertes vínculos: *Trabajamos en estrecha colaboración*» [DCD], 'Относится в основном к близким отношениям или к отношениям, которые основаны на крепких связях. Тесное сотрудничество'.

VI. Модели, в основе которых лежат импликации соответствующей прототипической ситуации. Прототипическая ситуация может быть источником разного рода

импликаций, которые не отражены в значении слова, но которые лежат в основе других значений этого слова (см. [Кустова 2000, 108]). Пример перехода X → импликация из X → Magn представлен в семантическом развитии слов с компонентом ‘знание’¹⁶. Этот переход представлен, например, в рус. *известный, знатный, знатно, славиться*, франц. *fameux, fameusement*, англ. *famously, notorious, notoriously, renowned, well-known, famously*, ит. *noto*, исп. *notorio* и др.

Прототипическая ситуация известности включает компонент ‘выделенность объекта из объектов того же класса по какому-то признаку’ (см. толкование этого прилагательного в [Бабаева 2000, 143]). Импликацией этой ситуации является выделенность объекта по масштабности, величине. При словах, обозначающих градулируемые признаки, словах качественной, количественной и оценочной семантики, масштабность может означать только высокую степень. Это лежит в основе семантического перехода ‘известный/знаменитый’ → Magn¹⁷. Приведем примеры указанного перехода:

Французское прилагательное *fameux* — ‘известный, знаменитый’: «Qui a une grande réputation, un grand renom <...> Mme Le Brun, fameux peintre de ce pays-ci (STAËL, *Lettres jeun.*, 1786, p. 105). Une région fameuse pour ses crus» [TR], ≈ ‘Хорошо известный, знаменитый <...> Мадам Ле Брюн, известная художница этого края. Район, известный-своими виноградниками’. В процессе развития у прилагательного появилось значение ‘большой’: «Il se dit aussi dans le langage familier pour désigner un excès. Un fameux ivrogne. Voilà une fameuse bêtise! Un fameux imbécile» [EL], ≈ ‘разг. для обозначения сильной степени. Законченный пьяница. Вот уж большая глупость! Откровенный дурак’. Приведем несколько примеров из художественной литературы: (а) *Vrai, ça faisait un fameux débarras* (Zola, Emile / *L'Assommoir*). Да, большая обуза с плеч долой! (‘Это большое облегчение’) [<https://www.lingvolive.com>]. (б) *Et il ajouta avec son effrayant sourire de loup rangé: — C'est une fameuse chance pour vous tous que je sois aux Tulettes* (Zola, Emile / *La Conquete*

¹⁶ См. примеры семантических переходов, базирующихся на компонентах прототипической ситуации, в разделе «Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций» коллективной монографии «Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков» в работе [Иоанесян, Рябцева, Ковшова, Дронов, Орлова 2020].

¹⁷ В основе этого раздела лежит статья [Иоанесян, 2018].

des Plassans). И он добавил со страшной улыбкой, похожей на оскал прирученного волка: - Вам всем здорово повезло, что я живу в Тюлете [<https://www.lingvolive.com>]. (в) *Mais d'après vous, votre frère serait une fameuse brute* (James, Henri. Washington Square (L'Heritiere)). — Что за злодей, однако, ваш братец судя по вашим словам! [<https://www.lingvolive.com>].

Наречие *fameusement* тоже используется в функции Magn'a: «Très. V. Rudement <...>. *c'était quand même fameusement bien peint* (Beauvoir)» [PR, 681], 'Это все-таки очень хорошо нарисовано'; «Dans le langage populaire, extrêmement, excellemment. *Cela est fameusement bon. Il est fameusement bête*» [EL], 'Простореч. необычайно, превосходно. Это очень хорошо. Он необыкновенно глуп'. *Au lieu de rester sur le trottoir, où tu as l'air de l'ennuyer fameusement...* (Zola, Emile / Le Ventre de Paris). А то бы торчала еще там на тротуаре, где тебе, верно, было порядком скучно [<https://www.lingvolive.com>].

Английское *famously* тоже используется в функции Magn: «to an unusual degree: very. *The executive famously insisted on riding the bus to work every day*» [MWD]. «You use famously to refer to a fact that is well known, usually because it is remarkable or extreme. *Authors are famously ignorant about the realities of publishing*» [CAED]. «*Maharaji mène une vie fameusement malsaine — il fume, il boit, il mange bien et prend peu d'exercice. Maharaji has a famously unhealthy lifestyle — smoking, drinking, eating well and exercising little*» [<https://dictionnaire.reverso.net/francais-anglais>]. *In the old days 4 of the bells were famously off-key, but beloved, and were known as Pickle and Lemon and Big Cracked John and Beelzebub* (Kurt Vonnegut. *Hocus Pocus* (1990)). В старину 4 колокола отчаянно фальшивили, но все, несмотря на это, их обожали, и дали им прозвища: Пикуль, Лимон, Большой Чокнутый Джон и Вельзевул [НКРЯ].

VII. Magn'ы, производные от единиц, выступающих в функции Bon или AntiBon.

Существует класс Magn'ов, являющихся производными от единиц, выступающих в качестве другой лексической функции — в функции Bon или AntiBon¹⁸: «для оценочных слов типичен переход в класс Magn'ов» [Кустова 2011, 264]. Например:

(1) Французское прилагательное *irréprochable* — ‘безупречный’, например, «v. 1460; de 1. *in-* et *reprocher*. ♦ À qui, à quoi on ne peut faire aucun reproche. *Une mère irréprochable*. ⇒ parfait (cf. Sans reproche). «*congédier un serviteur irréprochable*» (Baudelaire). *Fonctionnaire irréprochable*. Dr. *Témoign irréprochable*. — *Vie, moralité irréprochable*» [PR, 936], ‘1460; от *in-* et *reprocher*. Такой, которого нельзя ни в чем упрекнуть. Безупречная мать → совершенная. Уволить безупречного слугу (Бодлер). Безупречный служащий. Безупречный свидетель. Безупречная жизнь, нравственность’. Указанное прилагательное выступает в функции Bon-moralité, определяемой как ‘хорошее поведение человека: «Pendant laquelle X se comporte bien: décente, droite, honorable, intègre, noble, vertueuse» [DicoPop]. Кроме того, прилагательное используется в обычной функции Bon, например: «*Tenue, toilette irréprochable*» [PR, 936], ‘безупречная одежда, наряд’. *Belle, sensuelle, rascée, avec des jambes irréprochables et des chevilles très fines, le nez retroussé, le front bombé, l'allure belliqueuse et fière* (Gavalda, Anna / Je voudrais que quelqu'un m'attende). Красавица, сексапильная, породистая, безупречные ноги с тонкими лодыжками, вздернутый носик, выпуклый лоб, горделивая осанка амазонки [<https://www.lingvolive.com>]. От указанного значения произошел переход к значению ЛФ Magn¹⁹: «*vêtement d'une blancheur irréprochable*» [TR], ‘одежда безупречной чистоты’. Дополнения особенно показательны: они усиливают такие моменты, как перечисление заслуг отца, Ивана Владимировича Цветаева, перед русской культурой, а в характеристике Эфрона — черты его безукоризненной честности, бескорыстия и преданности идее коммунизма. (Ирма Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007)). Les ajouts sont particulièrement parlants: ils accentuent, par exemple, les mérites de son père, Ivan Vladimirovitch Tsvétaïev, devant la culture russe, et,

¹⁸ «Bon (лат. *bonus* — ‘хороший’) — ‘хороший» [Мельчук 1974, 90], «Bon — ‘good’ [standard praise for L]» [Мельчук 1995, 35].

¹⁹ Ни в словаре Жана Франсуа Феро [Féraud], ни в словаре Эмиля Литре [EL] это значение еще не отмечается.

dans la description qu'elle donne de Sergueï Efron, son honnêteté irréprochable, son désintéressement et son dévouement à l'idée communiste [НКРЯ], 'безупречная честность'. Отметим, что французское прилагательное в роли ЛФ Magn отличается от своего русского аналога, ср., например, *priorité irréprochable* [<https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html>] и рус. *безупречный приоритет.

Переход Bon/AntiBon → Magn особенно характерен для предикатов, обозначающих так называемые положительные или отрицательные эмоции, у которых часто развиваются оценочные значения, соответственно, 'хороший' — ЛФ Bon, или 'плохой' — AntiBon:

(2) Французское прилагательное *épouvantable*. Исходным значением прилагательного является смысл 'вызывающий ужас', «Qui cause de l'épouvante (1120)» [ARey, t. 1, 1277], 'вызывающий ужас, 'то, что вызывает ужас'. «Qui suscite ou qui est de nature à susciter de l'épouvante. *Cris, histoires, hurlements, scènes <...> Une paix (...) qui, plus épouvantable que la plus épouvantable guerre, glacera d'effroi l'univers* (FRANCE, Bergeret, 1901, p. 332)» [TR], 'То, что вызывает или способно вызвать ужас. Ужасные крики, истории, вопли, сцены <...> Мир (...), который страшнее любой войны, заставит всю вселенную оцепенеть от ужаса'. В 1663 г. у прилагательного отмечен смысл 'очень плохой', «très mauvais»: «Souvent *p. hyperb.* [Pour exprimer un jugement de valeur] Très mauvais, très désagréable. *Avoir une mine épouvantable; chemin, froid, pluie, tempête, temps épouvantable* <...> Étymol. et Hist. 1re moitié XIIe s. «qui cause de l'épouvante». 1663 «mauvais, affreux» [Там же], 'Часто гиперб. [для выражения оценочного суждения]. Очень плохой, неприятный. Обладать неприятным лицом; ужасный холод, дождь, страшная буря, противная погода. Этим. и ист. первая половина XII в.. 'То, что вызывает ужас'. 1663 г. 'плохой, ужасный''. Позже у прилагательного появляется значение интенсивности: «le sens d'excessif, exrtême» [ARey, t. 1, 1277].

Аналогичный путь развития прошел и испанский когнат французской единицы — прилатальное *espantoso* со значениями: (а) 'вызывающий страх', «Que causa espanto»; (б)

‘скверный, плохой’, «Муу feo»; (в) ‘огромный, «Desmesurado, enorme. *Hace un frío espantoso*», ‘чрезмерный; стоит страшный холод’ [DRAE]

(3) Английское наречие *despicably* — ‘подло, плохо’, образовано от прилагательного *despicable*, имеющего значения ‘вызывающий презрение’ и ‘очень плохой’: «Deserving of contempt or scorn; vile. Origin of *despicable*: Late Latin *dēspicābilis* from Latin *dēspicārī* to despise» [AHD]. Наречие используется также в значении ЛФ Magn: *despicably unfair/bad/low /entertaining* [<https://www.vocabulary.com>]. Например: (а) *True, generous feeling is made small account of by some, but here were two natures rendered, the one intolerably acrid, the other despicably savourless for the want of it* (Bronte, Charlotte / Jane Eyre). Великодушные чувства значат очень мало для некоторых людей, но здесь передо мной были два совершенно противоположных характера. В одном было кислоты хоть отбавляй, зато другой был невыносимо пресен [<https://www.lingvolive.com>]. (б) *No less empressés around her (perhaps in subliminal zeal to earn some of the rare praise I deigned to bestow on the pure voice of the impure) were certain younger writers whom their God had created two-faced: despicably corrupt or inane on one side of their being and shining with poignant genius on the other* (Vladimir Nabokov. *Look at the harlequins!* (1974)). Не менее услужливо вертелись вокруг нее (возможно, из подсознательной тяги заслужить редкую похвалу из тех, коими я порой снисходительно жаловал какой-нибудь чистый голос в стане нечистых) определенного толка молодые писатели, которых их Бог сотворил двуликими: одно лицо — прискорбно растленное или пустое, а другое сияет мучительным даром [НКРЯ].

(4) Английское наречие *contemptibly* — ‘презренно’. Наречие образовано от прилагательного *contemptible* — презренный, низкий, ничтожный, человек заслуживающий презрения²⁰; *contemptible fellow* — презренный человек [НБАРС]; «contemptible: worthy of contempt: *a contemptible snob, contemptible bigots* [MWD]. Наречие используется в следующих значениях: 1. ‘Достойным презрения образом, отвратительно, недостойно’, ЛФ AntiBon, например: (а) *I know I've behaved badly, contemptibly* [CAL]. 2. В значении ЛФ

²⁰ «Contemptible: Late Middle English from Old French, or from late Latin *contemptibilis*, from Latin *contemnere* (see *contemni*)» [OD].

Magn, например: (а) *Sometimes he was contemptibly childish*. [CAL]. (б) *That is contemptibly naive* Economist Dec 30, 2014 [<https://www.vocabulary.com/dictionary>]. (в) *How contemptibly absurd, common!* Hutchinson, A.S.M. (Arthur Stuart-Menteth) [Там же]. (г) *The instances alleged by Rationalists are contemptibly trivial when compared with the Bible predictions*. Patter-son, Robert [Там же].

(5) Немецкое *schändlich* ‘постыдный’, образованное от слова *Schande* — ‘стыд, позор’, имеет значения: 1. ‘Очень плохой’ «*sehr unangenehm: heute ist schändliches Wetter*», ‘очень неприятный: сегодня отвратительная погода’. 2. Magn: «*überaus, sehr: sich schändlich ärgern*», ‘в высшей степени, очень: очень рассердиться’ [DWDS].

(6) Английское наречие *detestably* (см. выше раздел III.2.) образовано от прилагательного *detestable* — «отвратительный, внушающий отвращение; мерзкий» [НБАРС], «*arousing or meriting intense dislike: abominable*» [MWD]; лексическая функция AntiBon. Наречие выступает также в функции Magn, причем как при лексических единицах с негативной, так и с позитивной оценкой: *Near them was the detestably picturesque castle perched upon a bracket*. Barrie, J. M. (James Matthew) [<https://www.vocabulary.com/dictionary>]. *Elizabeth is too, too detestably respectable for anything*. Barr, Amelia Edith Huddleston [Там же].

(7) Французское наречие *abominablement*. Наречие является производным от прилагательного *abominable* — «отвратительный; мерзкий, омерзительный; гнусный» [ГТ]; «*Sens propre. [En parlant du comportement ou des œuvres de l’homme] Qui inspire l’aversion, l’horreur*²¹» [TR]. ‘О поведении или поступках человека. То, что вызывает отвращение’. «*Qui inspire de l’horreur. «Ses crimes sont abominables (France)»* [PR, 4], ‘Его преступления отвратительны’. От этого значения произошел семантический переход к значению ‘противный, скверный, безобразный’, ЛФ AntiBon: «II.— Par affaiblissement de sens. Qui est particulièrement laid ou désagréable: *La caravane se remit en marche par des chemins fort abominables, mais très pittoresques* (T. GAUTIER, *Ô Voyage en Espagne*, 1845, p. 264)»

²¹ Слово *horreur* имеет два значения ‘ужас’ и ‘отвращение’.

[TR], ≈ ‘Ослабление значения. О том, что является особенно скверным или неприятным: Караван снова отправился в путь по очень плохим, но очень живописным дорогам’.

Производное от прилагательного наречие *abominablement* фиксируется в словарях XIV в. «XIVe; de *abominable*. ♦ D’une manière *abominable*» [PR, 4], ‘XIV в.; от *abominable*.’ Отвратительным образом’. В XVIII в.у наречия зафиксировано новое значение — значение показателя интенсивности, Magn: «A une époque relativement récente (XVIIIe s.) Beaucoup, extrêmement: *Je tousse abominablement et je salis des mouchoirs de poche innombrablement*. G. FLAUBERT, *Correspondance*, 1873, p. 7. *Il faisait abominablement chaud* [TR], ‘В сравнительно недавнюю эпоху (XVIIIе в.) Много, сильно, чрезмерно: Я очень сильно кашляю и испачкал бесчисленное количество носовых платков (Г. Флобер). Было очень жарко (Поль Низан)’. Приведем несколько примеров из корпуса [<https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html>]: (a) <...> *sur un modèle de la Commission que je trouve abominablement complexe*. ‘по модели, предложенной Комиссией, которую я считаю очень сложной. (б) *Les Américains sont abominablement méchants*,. Американцев это сильно разозлило. (в) *Il est abominablement difficile de suivre cette évolution technologique*. Очень трудно уследить за этой технологической эволюцией’

Аналогичный процесс произошел и в английском наречии *abominably*: «*Chloe has behaved abominably. Wallis was often abominably rude*» [CAED]. *I peer in at the old bedstead and table: life was abominably hard here, and people were often forced to leave when their luck turned*. The Guardian May 8, 2016 [www.vocabulary.com/dictionary].

Причем *abominably* выступает в роли показателя интенсивности не только при предикатах, обозначающих негативные ситуации, свойства и т.п., но и при единицах, обозначающих положительно оцениваемые ситуации, свойства и т.п., например: (a) *Questioned as to its merits, Wilde was credited with saying that “The first act was ingenious, the second beautiful, the third abominably clever”*. Ingleby, Leonard Cresswell [www.vocabulary.com/dictionary]. (б) *Because I’m abominably keen about that sort of thing — I must recognise my keenness*. James, Henry [Там же].

Следует отметить, что многие Magn'ы, построенные по рассматриваемой модели, со временем могут утрачивать свой оценочный компонент. См., примеры с упомянутым выше наречием *contemptibly*: (а) *His presence robbed her of self-confidence, and made her contemptibly conscious of her frivolity, or worse.* Grant, Robert [https://www.vocabulary.com/dictionary]. (б) *In comparison with the priesthood of Egypt, Buddha is contemptibly modern.* Braddon, M. E. (Mary Elizabeth) [Там же]. (в) *That would be, at the very least, as far back as nine or ten thousand B.C.; which is contemptibly modern, when you think of the hundred and sixty thousand years of our present sub-race.* Morris, Kenneth [Там же].

Свойство выступать и в лексической функции Bon/AntiBon, и в лексической функции Magn присуще лексическим единицам в разных языках. Например:

(1) Русское прилагательное *ужасный* и его французский эквивалент *épouvantable*. *Ужасный*: «3. перен. разг. Очень плохой; скверный, отвратительный. 4. перен. Чрезвычайный, крайний в своём проявлении» [Ефремова]; *épouvantable*: «2 ♦ Inquiétant, très mauvais. Très désagréable. *Il fait un temps épouvantable.* 3. Excessif. *Un bruit, un fracas épouvantable.* ⇒ violent. *Il entra dans une colère épouvantable*» [PR, 605], «2. Тревожный, очень плохой. Очень неприятный. Стоит ужасная погода. 3. Очень сильный. Сильный шум, грохот → сильный, неистовый, бурный. Его охватил страшный (сильный) гнев».

(2) Английское наречие *beastly* используется в функциях AntiBon и Magn: «Abominably <...> often merely = Exceedingly» [OUD, 159], «chiefly British, informal: // to an extreme and usually unpleasant degree “*It’s no good pretending it isn’t an awkward situation,*” continued Bob, “*because it is. Beastly awkward.*” — P. G. Wodehouse. // in an unpleasant or beastly manner. *an ideological predisposition to believe the Soviet Union will embrace comity if only Washington doesn’t act beastly*» [MWD]; «informal (intensifier) *the weather is so beastly hot*» [CED].

Существует особый класс единиц, конструкции с которыми одновременно содержат и качественную и количественную оценку. Иными словами, некое слово X в кон-

струкции вида S/V/Adv + X одновременно выступает и в функции Bon (AntiBon), и в функции Magn. Примером такого рода являются рус. *завидный*, франц. *enviable* и др. См., определение прилагательного *завидный* в словаре [УШ]: «Такой заманчивый, хороший, что может возбудить зависть. *Завидное положение*» [УШ]. В то же время сочетания с этим прилагательным фигурируют в списке Magn'ов словаря Г.И. Кустовой [КСРИД], например: *завидная выдержка, завидная жизнестойкость, завидная легкость, завидная мобильность, завидная энергия*. А в сочетаниях вида *завидное здоровье, завидный аппетит* и т.п. содержится элемент и положительной оценки (Bon), количественной оценки (Magn): так, *завидное здоровье* — это хорошее и крепкое здоровье. См. также франц. и англ. *enviable* — ‘завидный’. *Enviabile* (франц.): «*démontrant une capacité de synthèse enviabile. Grâce à l' enviabile capacité dont fait preuve Mme Fontaine* [https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html], ‘показывая замечательную способность к синтезу. Благодаря завидной способности, которую проявила мадам Фонтен’.

Аналогичный пример — прилагательное *выдающийся*: *выдающийся успех, выдающийся вклад*, Magn [КСРИД] и Bon²².

VIII. Заключение.

Итак, в статье сделана попытка представить модели образования слов со значением высокой степени. В работе используется термин Magn — название одной из лексических функций в модели И.А. Мельчука «Смысл ↔ Текст», идиоматично обозначающих интенсивность при ключевом слове. В статье дан обзор уже описанных в лингвистической литературе моделей образования и представлены новые модели образования смысла Magn.

Лексические функции универсальны, однако их значения могут различаться у семантически близких лексем в разных языках. Именно этому аспекту, т.е. лингвоспецифичности единиц, выступающих в функции Magn, специфики этих единиц в разных языках, было уделено основное внимание в работе. Существуют как общие для разных язы-

²² См. толкование прилагательного в [УШ]: «Отличный, превосходный, выделяющийся среди других.

ков модели образования Magn'ов, так и специфические. Это, на наш взгляд, определяет интерес к изучению подобных единиц и конструкций в типологическом аспекте.

Magn'ы образуют довольно значительный пласт в лексической системе разных языков, что связано с их экспрессивно-оценочным характером (особенно отчетливо указанная функция проявлена в Magn'ах, образованных от эмоциональных предикатов): «Часто говорящему важнее не обозначить степень, а выразить свое отношение» [Кустова 2011: 264].

Список источников и сокращений

ГТ — Французско-русский словарь активного типа /В.Г. Гак, Ж. Триомф, Г.Г. Соколова и др.: Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1998 // https://active_type_fr_ru.academic.ru.

Ефремова — Ефремова Т.Ф. «Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 // <https://academic2.ru>.

КСРИД — Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., Русский язык, 1993-1994 // https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.

ОЖ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>.

УШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940 // <http://www.classes.ru>.

AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932-1935) // https://daf_1935.fr-academic.com.

AHD — The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // <http://www.yourdictionary.com>.

ARey – Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction de A. Rey. En 3 tomes. P.: Dictionnaires LE ROBERT, 2000.

CAED — COBUILD Advanced English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // <http://www.collinsdictionary.com>.

CAL — Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press // <http://dictionary.cambridge.org>.

CED — Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // <http://www.collinsdictionary.com>.

DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // <http://clave.smdiccionarios.com/app.php>.

DDC — Dictionnaire des cooccurrences // <http://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2guides/guides/cooc/index-fra.html?lang=fra>.

DicoPop — Dictionnaire de Combinatoire du Français. Direction du projet: Alain Polguère. Université de Montréal // <http://olst.ling.umontreal.ca/dicopop>.

DLLE — *Diccionario* de la lengua española © 2005 Espasa-Calpe // <https://www.wordreference.com>.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // <http://lema.rae.es/drae>.

Duden — Wörterbuchzugang Duden online // <http://www.duden.de/woerterbuch>.

DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts // <https://www.dwds.de>.

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française. en cinq tomes. Paris: Hachettes (1872-77) // <http://artflx.uchicago.edu>.

ENW — <https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html>.

Féraud — Dictionnaire critique de la langue française par M. l'abbé Feraud. Marseille: J. Mossy, 1787—1788 // <https://portail.atilf.fr/dictionnaires/FERAUD/index.html>.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011 // <http://dizionari.repubblica.it>.

ID — Infoplease Dictionary // <http://www.infoplease.com/dictionary>.

LFV — Les verbes français (French Verbs) by Jean Dubois and Françoise Dubois-Charlier (Version LVF+1) LFV // <http://rali.iro.umontreal.ca>.

MMD — Michaelis — Dicionário Moderno, Editora Melhoramentos, São Paulo, 2021 // <https://michaelis.uol.com.br/moderno-portugues>.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition. On-line. // <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 // <https://en.oxforddictionaries.com>.

OD — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

PRB — Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008—2013 // <http://www.priberam.pt>.

SCT — Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone, Roma, Istituto della Enciclopedia Italiana, 2003 // <http://www.treccani.it/vocabolario>.

SD — Genouvrier E., Désirat C., Hordé T. Synonymes. Dictionnaire. P.: Éditions Larousse, 2007.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // <http://atilf.atilf.fr>.

VT — Vocabolario Treccani. Roma. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013 // <http://www.treccani.it/vocabolario>.

<http://context.reverso.net>.

<https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html>.

<https://corp.hum.sdu.dk/cqp.it.html>.

<https://dictionnaire.reverso.net/francais-anglais>.

<https://www.linguee.fr/francais-anglais>

<https://www.lingvolive.com>.

<https://www.vocabulary.com/dictionary>

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.

Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33—160.

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.

Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Слово и язык: сб. статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2011. С. 41—53.

Бабаева Е.Э. Известный 2, знаменитый 1, легендарный, прославленный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: второй выпуск / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 14—147.

Григорьева С.А. Очень, весьма, сильно 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: второй выпуск. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 256—261.

Добровольский Д.О. Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов // https://ruscorpora.ru/old/rus_ger_papers/dd_abstract_shmelevskie_2015.htm.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ZalizniakAnnaA.pdf>.

Иоанесян Е.Р. Один тип производных значений эмоциональных предикатов // Когнитивные исследования языка. 2019а. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова. Тамбов: Издательский дом «Державинский». С. 452—459.

Иоанесян Е.Р. Симптоматическая лексика в функции Magn // Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. 2019б. N 2. С. 34—48. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-34-48.

Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. М. — Ярославль: Издательство Канцлер, 2020.

Иоанесян. Е.Р. К типологии слов со значением высокой степени // Научный диалог, № 6, 2021. С. 43—58. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-43-58.

Крейдлиן Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. Крейдлиן. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы — прилагательные) // Слово и язык: Сборник статей к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256—268.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974.

Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». // М. — Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.

Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Рахилина Е.В., Карпова О.С., Резникова Т.И. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Выпуск 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 420 — 425.

Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/ShmelevAD.pdf>.

Mel'čuk I. Collocations dans le dictionnaire // Les écarts culturels dans les dictionnaires bilingues. Thomas Szende (éd.). Paris: Honoré Champion, 2003. Pp. 19-64 // <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/MelcukColloc 2003>.

Mel'čuk I., Milićević J. An Advanced Introduction to Semantics: A Meaning-Text Approach. Cambridge University Press, 2020.

Tutin A. Les collocations dans le champ sémantique des émotions: la régularité plutôt que de l'idiosyncrasie // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. — Москва: Языки славянской культуры, 2012. — С. 602— 612.

Language-specific terms as intensity markers

E.R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper scans the linguistic literature on word formation models for high-degree vocabulary. It presents a number of new models, plus a description of some language-specific words as intensity markers in a variety of languages.

Keywords: Semantics, polysemy, lexical functions, idiomaticity, language-specific vocabulary.

**Местоименные наречия локативной и темпоральной
семантики в языке дабида (банту)**

И.С. Рябова (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья представляет собой анализ лингвистических свойств местоименных пространственных и темпоральных наречий, образованных в языке дабида (банту, Кения) посредством конверсии от указательных местоимений, согласованных по «локативному» классу 16. Используемый в статье языковой материал собран и обработан автором статьи с помощью обучавшихся в Москве кенийских студентов — представителей этноса дабида (*βadaβida*), для которых родным является диалект мбололо (*kimbololo*), легко понимаемый носителями прочих диалектов этого языка.

Ключевые слова

Языки банту, язык дабида, именные классы, местоимение, наречие, конверсия.

I. Вводные замечания

Дабида (самоназвание *kidaβida*) — малоизученный миноритарный внутриэтнический язык, на котором говорят не многим более 300 000 человек на юго-востоке Кении. Относится к языковой общности «банту Килиманджаро» (*Kilimanjaro Bantu*), включающей около десятка генетически близких языков Кении и Танзании [Philippson & Montlahuc 2006, 475]. Под кодовым номером E74a [Maho 2006, 646] дабида значится в составе языков банту, относящихся к южной подгруппе бантоидных языков подсемьи бенуэ-конго внутри нигеро-конголезской языковой семьи. Язык представлен совокупностью взаимопонимаемых диалектов (при отсутствии какой-либо наддиалектной формы). Статья построена на материале диалекта мбололо.

Дабида принадлежит языкам банту Восточной Африки, что в первую очередь означает наличие в нем богатой, развитой системы классов имен существительных (в дабида их 15), отвечающей двум условиям: «1) наличие показателя класса в имени существительном; б) наличие особой согласовательной модели, соответствующей каждому классу» [Виноградов 1979, 105]. Реализация соответствующей каждому именному классу «особой согласовательной модели» осуществляется в дабида с помощью префикса именного класса (классного показателя) — транскатегориальной морфемы, которая маркирует существительное и в своем неизменном или модифицированном виде обязательно присутствует в качестве префикса же во всех согласуемых словах, синтаксически связанных с существительным: *lumu lwaβo luja luβishi luchaaka nichaluβona* ‘факел их тот новый он-будет-гореть я-его-увиджу’ (класс 11).

Имена существительные, коррелирующие по признаку «единичность-множественность», распределяются по разным классам.

Все лексемы дабида, принадлежащие знаменательным частям речи, имеют парадигму из 15 словоформ (в соответствии с количеством выявленных в языке именных классов). Исключения: 1) сами имена существительные — одноформенные хозяева согласования с канонической морфемной структурой <префикс плюс основа>. 2) наречия — не входящие в систему согласования языковые единицы, которые не подлежат морфемному анализу — только словообразовательному, и основным морфологическим признаком которых можно считать отсутствие словоизменения.

II. Наречия как самостоятельный класс слов в языке дабида

Наречия представляют в дабида самостоятельную лексико-грамматическую категорию и по своей словообразовательной структуре делятся на производные и непроизводные. Последние сравнительно немногочисленны, но семантически весьма разнообразны: *hao* ‘где’, *toe* ‘всегда’, *idana* ‘сейчас’, *dihu*¹ ‘напрасно’. Большая часть наречий являются производными единицами, демонстрирующими очевидную семантическую и словообра-

¹ Для обозначения особых звуков языка дабида используются следующие буквы: β (билабиальный фрикативный); б (билабиальный импловивный импловивная); а (альвеолярный импловивный).

звательную соотносительность с другими разрядами знаменательных слов этого языка: *imbiri* 'вперед, раньше' < *imbiri* 'начало, передний план', *kavui* 'близко' < *kavui* 'короткий', *kulakula* 'различно' < *kula* 'далекий', *kingondi* 'по-овечьи' < *ngondi* 'овца', *kuchumba* 'очень' < *kuchumba* 'превосходить', *nakio* 'ночью' < *kio* 'ночь'. Наречия дабида не содержат каких-либо специальных, собственно наречных морфемных показателей. Они делятся на качественные и обстоятельственные и не имеют морфологически выраженных степеней сравнения.

II.1. Местоименные обстоятельственные наречия в языке дабида

В настоящей статье речь пойдет о семантических, синтаксических и словообразовательных признаках местоименных обстоятельственных наречий дабида, явно соотносящихся и словообразовательно и семантически с указательными местоимениями, согласованными по 16 (согласно традиционной для бантуистики нумерации именных классов), т. н. «локативному» классу.

II.1.1. «Локативные» классы как способ выражения пространственных отношений в языках банту

Следует отметить, что в языке дабида отсутствуют исконные «локативные» (locative) классы, которые «являются наиболее древним способом выражения пространственных отношений» в языках банту [Охотина 1959, 156] и реконструируются для прото-банту как классы 16, 17 и 18. Эти классы лишены собственных имен существительных, и представлены проявляющими себя в согласовании классными показателями соответственно **ra-*, **ku-*, **tu-*, которые в виде препрефикса наслаиваются на существительные, принадлежащие прочим именованным классам, меняя их (существительных) согласовательные модели и отчасти лексическое значение. Традиционно за морфемой **ra-* закреплено значение указания на нахождение объекта на поверхности, сверху ориентира, **ku-* означает нахождение объекта вне ориентира, рядом с ним; **tu-* указывает на местонахождение объекта внутри ориентира.

В настоящее время семантические различия между именными классами 16, 17 и 18, некогда, возможно, четко очерченные, сгладились настолько заметно, что в теоретических работах, посвященных классным системам банту, значение (semantic content) всех существительных, заполняющих данные классы, имеет единое определение — «location terms» [Katamba 2006, 116].

III.2. Указательные местоимения дабида, относящиеся к именному классу 16

В дабида, как и во многих языках банту восточной части Африки, передаче пространственных отношений служат предлоги, а также особые, т.н. «локативные» формы имен существительных, образуемые присоединением к неодушевленному существительному «локативного» суффикса *-nyí*, ср., *mbuβa* ‘поле’, но *mbuβenyí* ‘в поле, у поля, на поле, к полю’. Значение суффикса конкретизирует контекст, а все оформленные им имена существительные меняют (как правило, но не обязательно) согласовательную модель собственного класса на согласование по классу 16, который в дабида представлен именем существительным *andu* ‘место, места’ с классным показателем *a-*, восходящим к прото-бантускому **pa-* [Katamba 2006, 114]. Однако при грамматическом оформлении согласуемых с *andu* слов язык дабида использует в качестве согласователя не только морфему *a-*, тождественную по форме классному показателю, но и морфему *ku-*, соотносимую с прото-бантуским **ku-* (класс 17). Иными словами, принадлежащее классу 16 существительное *andu* демонстрирует смешанное согласование, представляя в парадигмах (в отличие от существительных всех прочих именных классов дабида) две согласовательные морфемы: *a-* и *ku-*. Ср. *andu aja* ‘место то’, *andu aha* ‘место это’, но *andu kwake kulacha* ‘место его высокое’. Этими же двумя морфемами обеспечивается «идеальное» согласование существительных в локативной форме («идеальное» постольку, поскольку существительные с *-nyí* могут сохранять в дабида собственную «нелокативную» парадигму):

1. *mbuβa ija yapo imweri* — ‘поле то мое одно’, но
2. *mbuβenyí aja kwapo kumweri* — ‘в-поле том моем одном’.

(при возможном: *mbuβenyí ija kwapo kumweri/imweri*) ‘

Помимо использования смешанного согласования, класс 16 отличается от прочих именных классов дабида еще и тем, что относящиеся к нему указательные местоимения с их первичной атрибутивной семантикой имеют абсолютных фонемных «двойников» с семантикой и синтаксисом наречий места или времени — классических дейктических ‘здесь, сюда’, ‘там, туда’ и анафорического ‘там (в месте уже известном), тут, тогда’.

Эту группу указательных местоимений составляют *aha* ‘этот’, *aja* ‘тот’, *aho* ‘этот/тот уже упоминавшийся, известный’. Минимальная «классическая» дейктическая система *этом* ~ *том*, т.е. ‘близко от говорящего’ («ближний дейксис») и ‘не близко от говорящего’ («дальний дейксис») дополнена в дабида третьим компонентом — *aho* ‘(э)тот уже упоминавшийся, известный’, выполняющим анафорическую функцию. Ср.

3. *mdî ughu* > CL3-дерево CL3-это, но *andu aha* > CL16-место CL16-это;
4. *mdî ghujá* > CL3-дерево CL3-то, но *andu aja* > CL16-место CL16-то;
5. *mdî ugho* > CL3-дерево CL3-(э)то упоминавшееся, но
6. *andu aho* > CL16-место CL16-(э)то упоминавшееся;

III. Указательные местоименные наречия в дабида

Как уже говорилось, в языке дабида наряду с атрибутивными единицами *aha*, *aja*, *aho*, функционируют классические дейктические слова *aha* ‘здесь, сюда’, *aja* ‘там, туда’ и анафорическое *aho* ‘там (в месте уже известном), тут, тогда’ с семантикой и синтаксисом наречий места или времени. В настоящей статье они понимаются как производные языковые единицы, производящими основами (словами) которым служат тождественные им по облику и связанные с ними по смыслу указательные местоимения 16 класса. Производные наречия отличаются в рассматриваемом случае от своих производящих слов: (1) формообразовательной парадигмой, а точнее отсутствием таковой в связи с переходом дериватов в часть речи, лишенную словоизменения, а также (2) изменением синтаксической сочетаемости — приобретением способности примыкать к глаголу, но не согласовываться с существительными. Вовлеченные в данный словообразовательный процесс, именуемый конверсией, производящие местоимения и производные наречия тождествен-

ны и в звучании, и в написании, что позволяет говорить об их омонимии, невзирая на определенную семантическую соотносительность.

Подобного рода явление отмечается и в ряде других языков банту. В работах отечественных бантуистов лексемы с наречным значением, повторяющие облик демонстративов, понимаются обычно как местоименные наречия [Охотина 1959, 150] или наречия локативные и темпоральные [Аксенова, Топорова 2008, 197] без конкретного указания на их словообразовательную связь с указательными местоимениями. Зарубежные бантуисты видят в них преимущественно «демонстративы локативных классов, способные выполнять в предложении функцию наречий» [Poulos 1990, 407].

Являясь в первую очередь дейктическими или анафорическими средствами пространственной локализации, все три рассматриваемые наречия дабида не называют конкретно место действия, а лишь указывают на него (в отличие от знаменательных наречий) и потому могут быть классифицированы как указательные местоименные наречия.

III.1. Указательные местоименные наречия места и направления

Носителями исключительно локативной семантики выступают, однако, лишь *aha* и *aja*, являющиеся одновременно местоименными наречиями места и направления с русскими, уже названными выше, эквивалентами ‘здесь, сюда’ и ‘там, туда’ соответственно.

Конкретное статическое или динамическое значение *aha* и *aja* выявляется лишь в контексте, каковым для них является: 1) составное именное сказуемое, и 2) глагольная группа.

Выступать семантическим актантом спрягаемой по лицам и согласуемой по классам копулы *-ko* с широким экзистенциальным значением ‘быть, находиться, находиться’, создавая таким образом двухкомпонентный неглагольный предикат с пространственной семантикой, весьма характерно для статичного варианта наречий *aha* и *aja* (и никогда динамического): *Mwana oko aha*. — ‘Ребенок он-находится здесь’; *Ighuo nde-okoghe aha*. — ‘Вчера не-он-находился здесь’, т.е. ‘Вчера его здесь не было’; *βomi βaβo*

βeko aja. — ‘Мужчины их они-находятся там’; *Akio ndeuko aja.* — ‘Акио не-он-находится там’, т.е. ‘Акио там нет’.

Указание на место действия, обозначенное указательными местоименными наречиями, часто сопровождается названием или уточнением этого места именем существительным в локативной форме (о которой говорилось выше), которое следует за наречием, выполняя в предложении роль неуправляемого обстоятельства с локативным значением: *βaβae oko aha mzinyi.* — ‘Бабушка-его она-находится здесь в-деревне’; *Muzi ghwapo ghoko aja mghondinyi.* — ‘Деревня моя она-находится там на-холме’.

В глагольной группе, состоящей из глагола и примыкающих к нему в качестве обстоятельства места *aha* или *aja*, конкретный динамический или статичный характер местоименных наречий определяется семантикой глагола. В сочетаниях с глаголами движения *aha* и *aja* динамичны, а при глаголах местонахождения, деятельности, экзистенциальными и т.п. — статичны. Ср.: *Nakuvuya kuche aha kunitesie.* — ‘Я-тебя-прошу ты-подойди сюда ты-мне-помоги’; *Nao iji rerekoghe rikidedanya huβu nguru ikavika aja.* — ‘И-вот когда они-были они-беседующие так черепаха она-пришла туда’; *Ha ya mwana, ghenda kulima aja.* — ‘Ладно, сын, иди копать туда’. Но *Iji nadua aha ng’ombe ihi ndeichadima kuβusira chongo chake anduangi.* — ‘Если я-останусь здесь корова эта она не-сможет поднять голову свою никогда’; *Zagho radakaia aja kireti.* — ‘Змеи они-обычно-живут там в-саванне’; *Mwaβiabonya iki aha?* — ‘Вы-делаете что здесь?’; *Nao Bwana ukamfutukia Abrahamu aja midinyi ya kuela ya Mamre.* — ‘И-вот Господь он-ему-явился Аврааму там у деревьев светлых (т.е. у дубравы) Мамре’.

III.2. Указательное наречие с локативной и темпоральной семантикой

В отличие от сугубо пространственных *aha* и *aja* наречие *aho* указывает не только на место, но и на время совершения действия, как бы в подтверждение слов. Д.А.Ольдерогге о том, что у народов банту время, как и пространство «мыслится как нечто протяженное, пространственное» [Ольдерогге 1937, 377], т.е. участок, место какого-

либо события можно определять не только на оси пространства, но и на оси времени, и время, как понятие очень абстрактное, может мыслиться в категориях пространства.

Как носитель двух лексических значений — пространственного и темпорального, *aho* может быть отнесено к полисемическим языковым единицам, имеющим два лексико-семантических варианта с русскими эквивалентами: 1) там (в том уже упоминавшемся, известном нам месте); 2) тогда, тут, в это/то время.

Служа для отсылки к месту, присутствующему в предтексте или ситуации, анафорическое *aho* утратило локативное значение направления, но проявляет те же синтаксические свойства, что и рассмотренные ранее локальные дейктические *aha* ‘здесь, сюда’ и *aja* ‘там, туда’. Так, 1) оно является именной частью сказуемого местоположения с изменяемой по лицам и классам копулой *-ko* ‘быть, находиться, наличествовать’: *βana βose βeko mana nao βeko aho*. — ‘Дети все они-есть здоровые и-они они-находятся там’ (т.е. в том известном месте); *Mghosi fuβe na βana βake βeko aho*. — ‘Старик павиан и дети его они-находятся там’.

2) входит в группу глагольного сказуемого как обстоятельство места, соединяясь с глаголом связью примыкания: *Mbeβa ereidieghe aho*. — ‘Крыса она-проходила там’; *Shimba ikaβwadwa andenyi ya nyavu erefikiloghe aho kidali*. — ‘Лев он-был-пойман внутри сети она-была-расставлена там намеренно’.

Подобно *aha* и *aja* локативное *aho* всегда занимает поствербальную позицию, и, как и они, не обязательно бывает связано с глаголом контактно: *Rwai radava maghi ghaβo aho machinyi*. — ‘Комары они-обычно-откладывают яйца свои там на-воде’.

‘Случаи употребления в языке локативного анафорического *aho* численно значительно уступают случаям использования *aha* и *aja*.

Существенная частота употребления характерна, однако, для *aho* темпорального, характеризующего действие посредством указания на время его свершения. Оно передает значение ‘тут, тогда, в это/то время, в тот момент’ и занимает начальную позицию в любой клаузе. Время, на которое указывает *aho*, может относиться к прошлому или будущему

му, но не к настоящему: *Na aho ikaja izi imu iko na lukaso lubaa*. — ‘И тут (в это время) она-пришла муха некая она-которая-есть со спесью великой’; *Iji ituku izima javika aho nani nichadima kukutesia*. — ‘Когда день другой он-придет, тогда и-я я-смогу тебе-помочь’; *Na aho mbughi ikaghora andu na jingi ndeichakimbia sena*. — ‘И тогда голубь он-сказал, что и никогда он-не-убежит снова’.

VI. Заключение

Рассмотренный в настоящей статье языковой материал, служащий подтверждением того факта, что время, как понятие очень абстрактное, может мыслиться в языках Африки в категориях пространства, одновременно показывает, что не все наречия с пространственной семантикой развивают в дабида темпоральное значение. Так, образованные от указательных местоимений путем конверсии указательные местоименные наречия места и направления *aha* и *aja*, образующие в дабида «классическую» дейктическую пару с русскими эквивалентами ‘здесь, сюда’ и ‘там, туда’ не зафиксированы в темпоральном значении ‘сейчас’ или каком-либо ином. Наличие двух лексико-семантических вариантов с русскими эквивалентами: 1) ‘там, в месте, уже упоминавшемся в предтексте или ситуации’ и 2) ‘тогда, тут, в это/то время’ присуще лишь анафорическому *aho*, не содержащему, однако, локативной семантики направления.

Список сокращений

CL — именной класс.

Литература

Аксенова И.С., Топорова И.Н. Грамматика языка гусии. М.: ACADEMIA, 2008. С. 527.

Виноградов В.А. Именные классы и местоимения в бамилеке // Морфонология и морфология классов слов в языках банту. М.: Наука, 1979, С. 101—123.

Ольдерогге Д.А. Определение времени и пространства в языках банту (локативные классы) // Памяти В.Г. Богораза. М. — Л., 1937, С. 367—362.

Охотина Н.В. Выражение пространственных отношений в языке зулу. // Африканский этнографический сборник, III. М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 101—159.

Топорова И.Н. Наречия в языках банту (морфология и семантика) // Африканский сборник — 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 448—468.

Katamba F. Bantu nominal morphology // *The Bantu Languages*. London: Routledge. 2006. P. 103—120.

Maho J. A classification of the Bantu languages: an update of Guthrie's referential system // *The Bantu Languages*. London: Routledge. 2006. P. 639—652.

Philippson G. & Montlahuc M.-L. Kilimanjaro Bantu (E60 and E74) // *The Bantu Languages*. London: Routledge. 2006. P. 475—500.

Poulos G. A linguistic Analysis of Venda. Pretoria: Via Africa Limited. 1990. P. 605.

On pronominal locative and temporal adverbs in Dabida (Bantu)

**I. S. Ryabova (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper describes linguistic properties of the Dabida pronominal demonstrative adverbs of space and time formed from the demonstrative pronouns in noun class 16 (locative) agreement through the conversion. The language data has been obtained from two Kenyan informants who were native speakers of the Mbololo dialect of Dabida studying in Moscow.

Keywords: Bantu languages, Dabida, noun classes, demonstratives, adverbs, conversion.

Проблемы преподавания языка

Language Education

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-14-1-109-120

О развитии навыков письменной речи на английском языке в аспирантских группах

М.М. Сизов (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье описывается опыт развития навыков письменной речи на английском языке в аспирантских группах кандидатского семестра. Выделяются языковые явления английского языка, которые заслуживают особого внимания в данном процессе.

Ключевые слова

Письменная речь, лингвистический анализ текста, перевод, языковое сравнение.

Письменная речь сегодня является неотъемлемой частью языковой деятельности во многих сферах общения и может с успехом использоваться для повышения эффективности любого курса по изучению иностранного языка.

Возможности развития навыков письменной речи на английском языке в аспирантских группах зависят прежде всего от уровня группы. Основными задачами в аспирантских группах на кандидатском семестре являются обучение чтению, в смысле понимания, научных текстов на английском языке, и обучение обсуждению научной проблематики аспиранта на английском языке. Однако для некоторых аспирантов и даже целых аспирантских групп эти виды языковой деятельности не представляют большой трудности. В таком случае естественной следующей задачей может быть развитие навыков письменной речи на английском языке, т.е. подготовка аспирантов к письменному пере-

воду текстов по своей специальности с русского на английский и даже написанию аннотаций, тезисов и статей на английском языке.

Важно при разработке такой методики подготовить ряд упражнений, которые бы не создавали для аспирантов больших трудностей, не вызывали бы у них чувства беспомощности и отчаяния, а естественным и «безболезненным» образом подвели их к улучшению своих навыков письменной речи на иностранном языке.

В рамках данной методики на начальном этапе отбирается относительно небольшой простой научный или научно-популярный текст. Для того, чтобы всем было понятно содержание текста, он переводится аспирантами устно на русский язык с обсуждением знаков препинания в русском переводе. После этого проходит тщательный анализ структурно-грамматических и лексических особенностей английского текста. Затем аспиранты переводят тот же текст на русский язык письменно, обмениваются своими переводами для создания иллюзии нового текста (другой подчерк, разные варианты перевода) и на том же уроке переводят русский текст обратно на английский язык. Преподаватель дома анализирует ошибки в русском переводе и обратном переводе на английский язык. Эти ошибки обсуждаются на следующем занятии, и если у кого-то ошибок оказывается много, то соответствующему аспиранту предлагается дома провести работу над ошибками, переписать начисто английский перевод и сдать его для повторной проверки.

В переводе на английский язык, написанном аспирантами, можно ожидать ошибок по любому разделу грамматики. На примере текста, приводимого ниже, остановимся на тех грамматических явлениях, которые следует акцентировать при анализе исходного текста на английском языке и которые часто дают много ошибок при обратном переводе на английский язык.

(1) *Although gravitational-wave science is clearly in its infancy, we have already learnt an enormous amount and numerous exciting opportunities lie ahead.* (2) *These vary from testing general relativity in the strong-field limit to carrying out multi-messenger gravitational wave astronomy over a wide range of frequencies — as demonstrated by the most recent and*

stunning observation of a neutron-star merger. (3) Since Galileo first looked into a telescope and saw the moons of Jupiter, we have learnt a huge amount about the universe through modern-day electromagnetic astronomy. (4) Now, we are beginning to look at the universe with a new probe and it does not seem to be much of a stretch to anticipate a rich new era of gravitational-wave science.

Прежде всего необходимо разобрать авторское членение текста запятыми. Известно, что запятых в английском тексте значительно меньше, чем в русском, и, следовательно, они имеют большее коммуникативное значение. При этом расстановка запятых в английском языке в значительной мере зависит от воли автора: запятые должны помочь читающему правильно расчленить текст на смысловые отрезки. Сравним, в качестве примера, английское предложение и его перевод, предложенный аспирантом, знакомым с соответствующей проблематикой.

The fact that the barrier for NN homolysis in intermediate 1 is about the same as that for the initial HONO elimination itself might explain why experimental studies detect the products of NN homolysis even though our calculations suggest that this is not the initial decomposition step.

‘Тот факт, что барьер для гомолиза NN в промежуточном соединении 1 примерно такой же, как и для самого первоначального отщепления HONO, может объяснить, почему в экспериментальных исследованиях обнаруживаются продукты гомолиза NN, даже если наши расчеты показывают, что это не является начальной стадией разложения’.

Как мы видим, в английском предложении нет запятых, тогда как в русском — их шесть!

В английском тексте запятые могут ставиться, когда нарушается прямой порядок слов, линейное развёртывание предложения, там, где ослабевают структурно-семантические связи между частями высказывания.

Почти обязательной в научных текстах является запятая, стоящая перед подлежащим главного предложения. Она помогает найти начало основной структуры предло-

жения — подлежащее, сказуемое и далее. Примеры такой запятой мы находим в предложениях (1), (3) и (4) в вышеприведённом тексте.

Между подлежащим и сказуемым не может быть одной запятой, но могут стоять две запяты, выделяющие придаточное предложение, грамматический оборот или вводные элементы, разделяющие подлежащее и сказуемое.

Запятая может стоять между простыми предложениями в составе сложносочинённого. В нашем тексте такие запяты могли бы стоять в 1-ом и 4-ом предложении перед союзом *and*, однако автор решил, что и без запятых всё понятно.

Запятые отделяются вводные элементы предложения: слова, словосочетания и предложения. Например: *however, according to the theory, as the argument goes* и др. В приводимом выше тексте вводных элементов нет.

Запятые ставятся между однородными членами предложения, причём последний однородный член, даже если их только два, присоединяется союзом *and* или *or*, который при ряде однородных членов длиннее двух является сигналом конца этого ряда, что нередко помогает правильному пониманию текста. Перед союзом *and* в ряду однородных членов длиннее двух, как правило, ставится запятая.

В отличие от русского языка запятая нередко ставится перед союзом *or*, имеющим дизъюнктивное значение, например: *But the unified theory will not in itself tell us how the universe began, or what its initial state was* (Brief Answers to the Big Questions. Stephen Hawking). Часто запятая ставится перед союзом *or*, вводящим уточняющее слово или словосочетание или другое название уже упомянутого объекта, например: (1) *After all, it is hard to think of a more important, or fundamental, mystery than what, or who, created and controls the universe.* (2) *This law says that the total amount of disorder, or entropy, in the universe always increases with time.*

Запятая не ставится перед придаточными дополнительными предложениями.

Запятая может не ставиться перед придаточным определительным, если оно идёт сразу за определяемым словом. Но если запятая стоит, то это может означать, что прида-

точное определительное относится не к слову, стоящему слева от запятой, а ко всему предложению слева от запятой.

Запяты́е могут не ставиться перед определением, стоящим сразу за определяемым словом и выраженным причастным или инфинитивным оборотом.

Запяты́е не ставятся перед придаточными предложениями времени в конце предложения, перед придаточными предложениями образа действия после соответствующего глагола, перед сравнительными оборотами, вводимыми союзом *than*.

Причастные обороты в конце предложения (особенно независимые обороты), как правило, обособляются запятой. В приведённом в качестве примера тексте такой оборот в предложении (2) для большего акцента выделяется тире.

При анализе английского текста стоит обращать внимание на разницу в расстановке запятых в английском тексте и его русском переводе, чтобы избежать автоматического переноса английских запятых в русский текст, а также на те случаи, где в английском тексте запятая могла бы стоять, но по воле автора отсутствует.

После разбора запятых можно перейти к рассмотрению артиклей.

Артиклей в английском тексте много, и поэтому они дают наибольшее количество ошибок при написании английского текста. Типичной ошибкой для наших аспирантов является употребление исчисляемого существительного в единственном числе без какого-либо детерминатива (артикля, местоимения, имени собственного в притяжательном падеже или числительного *one*). Аспирантам необходимо напомнить, что артикль, как и любое другое языковое средство, используется для выражения наших мыслей, и от того, как артикли будут расставлены в тексте, зависит его смысл — поставьте артикли по-другому, и изменится коммуникативная структура текста и, следовательно, его смысл.

Категория артикля в английском языке тесно связана с категорией числа имён существительных. Известно, что нельзя употреблять исчисляемые существительные в единственном числе без детерминатива, чаще всего — без артикля. Однако нашим слушателям менее известен тот факт, что в английском языке практически любое существи-

тельное, обычно употребляемое в абстрактном значении и без артикля или с определённым артиклем, может без труда переходить в категорию исчисляемых существительных, и, следовательно, использоваться во множественном числе и с неопределённым артиклем в единственном. Например:

— *I like philosophy.*

— *I don't like the philosophy.*

— *He developed a philosophy no one understands.*

Примерами таких существительных могут быть следующие: *imagination, behaviours, attitudes (to work), politenesses, memories* ('виды памяти'), *pleases* ('пожалуйста' во мн.ч.), *efficiencies, energies* и др. Легко могут субстантивироваться и использоваться во множественном числе и глагольные словосочетания: *eye-rolls* ('закатывания глаз'), *high-flyers* (о людях — 'птицы высокого полёта'), *thank-yous* ('спасибо' во мн.ч.) и др.

Под влиянием английского языка сегодня расширяется область функционирования множественного числа существительных и в русском языке. Сейчас можно уже встретить такие формы множественного числа, как *севера, юга, информации, погоды, озабоченности, загрязнения, риски, угрозы, экономики, напряжённости, вооружения, практики, активности, компетенции, национализмы, космополитизмы* и др., которых не было в языке ещё совсем недавно.

При разборе английского текста необходимо обратить внимание на разницу в употреблении категории числа в английском и русском языке, которая будет проявляться при переводе на русский и обратно на английский. Нередко при обсуждении проблемы в общем плане на русском языке мы предпочитаем использовать существительные в единственном числе, тогда как в английском в подобных случаях нередко предпочтение отдаётся существительным во множественном числе. Например:

Flame speeds through the flammable vapours reach around 1800 m/s associated with overpressures of around 20 bar. — 'Скорость пламени, распространяющегося в воспламеняющихся парах, достигает около 1800 м/сек при давлении в районе 20 бар'.

При разборе артиклей стоит также обратить внимание и на противоположный процесс, когда существительные, имеющие обычно конкретное значение исчисляемых существительных, могут использоваться без артикля и таким образом приобретают обобщённое значение. Например: *The entire concave surface was covered in **text**, what had to be nearly a hundred words* (Inferno. Dan Brown), или *Not a remarkable house by any means — it was about thirty years old, squattish, squarish, made of **brick**, and had four windows ...* (The Hitchhiker's Guide to the Galaxy. Douglas Adams.) Однако такое явление не характерно для научно-технических текстов.

Заслуживают внимания часто используемые именные словосочетания с предложным определением с предлогом *of*, которое лимитирует значение существительного, стоящего перед предлогом, и которое поэтому часто требует определённого артикля. Например: *the origin of the universe, the physics of plasma, the acceleration of particles, the moons of Jupiter, the most recent observation of a neutron-star merger* и др. Однако для передачи определённого значения в такой конструкции возможно и использование неопределённого артикля. Сравните: *A//The principal goal of theoretical particle physicists was ... ; a wide range of frequencies; a rich new era of gravitational wave science* и др. В зависимости от того, какой артикль мы используем, меняется смысл высказывания.

Следует также обратить внимание аспирантов на специфику использования артиклей в текстах по их специальности. Например, в физике названия теорий при рассуждениях в общем плане используются без артиклей: *renormalization theory, perturbation theory, general relativity (theory), string theory, gauge theory, electro-magnetic theory* и др.; названия элементарных частиц при рассуждениях в общем плане используются с определённым артиклем: *the graviton, the electron, the neutrino, the neutron, the proton* и др.; названия уникальных объектов требуют определённого артикля: *the universe, the cosmos, the Sun, the Moon*, часто *the Earth, the Big Bang, the Milky Way* и др.; названия приборов в обобщённом значении также требуют определённого артикля: *the microscope, the telescope, the laser, the computer* и др.; названия планет — без артикля; и другие случаи. В

приведённом выше тексте мы видим примеры того, как без артикля используются названия научных дисциплин: *gravitational-wave science, multi-messenger gravitational wave astronomy, electromagnetic astronomy*.

Здесь же следует обратить внимание на нежелание русскоговорящих использовать типичную английскую определительную конструкцию $N_1+N_2+N_3+ \dots$, типа *book shop*. Русскоговорящие предпочитают использовать предложные определения с предлогом *of*. Сравните: *the merger of neutron stars — the neutron star merger, the science of gravitational waves — gravitational wave science, the accelerator of particles — the particle accelerator*. В приведённом выше тексте можно найти много примеров использования существительных в единственном числе в качестве препозитивных определений.

Следующим шагом в анализе текста может быть рассмотрение форм сказуемого.

Очевидно, что если в тексте излагаются теоретические рассуждения, то сказуемые будут иметь преимущественно формы настоящего простого времени. Если же в тексте описывается ранее проведённая работа, предыстория проблемы, то доминировать будут формы прошедших времён. А в заключительной части текста, в выводах, результатах или перспективах исследования палитра времён расширяется: могут использоваться формы будущих времён, сослагательного наклонения и другие. В приведённом ранее научно-популярном тексте отмечается большое разнообразие времён, что создаёт хорошие возможности для их контрастного обсуждения.

Важным пунктом при рассмотрении сказуемого является анализ модальных глаголов. Следует обратить внимание учащихся на то, что общая модальность научных текстов на английском языке является менее категоричной, более осторожной, чем текстов на русском языке, написанных в советских стилистических традициях. Такой стиль изложения, принятый в англоязычной научно-технической литературе, предполагает возможность существования иных исследовательских позиций, а также помогает автору снизить свою долю ответственности за излагаемую точку зрения.

Аспирантам следует указать на то, что среди модальных глаголов имеются менее категоричные (*may, might, could, would*₁) и более категоричные (*must, ought to, shall, should, will, would*₂), что следует помнить при написании текста на английском языке. В учебнике Н.И. Шаховой [Шахова, 2004] и грамматике Б.Ш. Азар [Azar, 2002] можно найти ранжирование модальных глаголов по степени их определённости.

Компьютерная статистика по книге Стивена Хокинга *The Grand Design* объёмом в 40356 слов даёт следующие цифры употребления модальных глаголов: (1) *would* — 194 случая, *could* — 92, *might* — 48, *may* — 34 и (2) (*will* — 104), *must* — 52, *should* — 22, *ought to* — 1, *shall* — 5. Глагол *can* — 244 случая! При интерпретации этих цифр следует, конечно же, учитывать, что глаголы *would, will* и *shall* могут использоваться как модальные, так и как вспомогательные глаголы для образования соответствующих форм сказуемого. Однако просмотр всех случаев употребления глагола *would* показал, что почти все они используются для образования сказуемых в форме сослагательного наклонения, что и понятно, если учитывать теоретический и гипотетический характер содержания всей книги. С другой стороны, глагол *will* используется почти исключительно для образования форм будущих времён, а не как модальный глагол. Сравнение статистики по первой и второй группе говорит о значительном преобладании в тексте модальных глаголов с менее категоричным значением. Глагол *can* в нашем сравнении рассматривается как нейтральный.

Особое внимание аспирантов при анализе текста следует обратить на использование глагола *would* и, значительно реже, глагола *will* для выражения свойств, функций или поведенческих характеристик объектов [Рубцова 2010, 184—186; Широкова 2013, пп.15.8 и 15.9]. Например:

This must be ascribed to some mathematical quality in Nature, a quality which the casual observer of Nature would not suspect, but which nevertheless plays an important role in Nature's scheme; would not suspect — ‘не подозревает’.

When it (water) freezes, the ice crystals will line up in particular directions, breaking the symmetry; will line up — ‘выстраиваются, будут выстраиваться’.

Определённую трудность представляет собой расположение наречия в английском предложении. В грамматиках выделяется три таких случая [Foley, 2003; Hewings, 2005]: 1) наречие ставится в начале предложения, перед подлежащим, или 2) где-то после сказуемого, или 3) между подлежащим и сказуемым. Местоположение наречия зависит от его значения и того слова или словосочетания, которое оно определяет. Часто приходится обращать внимание аспирантов на то, что наречия, располагающиеся обычно между подлежащим и сказуемым (наречия неопределённой частоты — *always, frequently, generally, never, often* и др., наречия степени — *absolutely, almost, just, hardly, quite* и др., наречия степени определённости — *certainly, definitely, probably* и наречия времени в одно слово — *already, finally, just, now, soon, still, then* и др.) в случае сложной формы сказуемого должны располагаться после модального глагола или после первого вспомогательного глагола. Например: (1) *It will **also** open the possibility to explore even higher energies ...*; (2) *... by the Pierre Auger Observatory, which is **currently** being upgraded*; (3) *... some ultra-high-energy cosmic rays with the highest energies might **still** contain information about their arrival direction.*

Определённое количество ошибок даёт неправильный выбор предлога, что происходит под влиянием русского языка: *влиять на что-то* — ‘influence sth, impact (on) sth’, *зависеть от чего-то* — ‘depend on sth’, *приводить к чему-то* — ‘result in sth’, *указывать на что-то* — ‘indicate sth’, на практике — ‘in practice’ и др.

Следует отметить, что в научно-технической литературе отсутствуют «красивые» идиоматические словосочетания типа *cutting-edge science, a mind-boggling discovery, to bend one's head around sth, to be on//under//off the radar, to be a silver bullet, to jump the gun, to blow one's mind* и другие, которыми изобилует научно-популярная речь. Кажется, что единственным исключением пока что является *state-of-the-art technology* — ‘самая современная технология’.

Анализ результатов работы с аспирантскими группами по изложенной выше методике оправдывает подход, выбранный для обучения аспирантов письменной речи на английском языке. При работе с текстом на английском языке, занимающим при переводе на русский от руки полстраницы А4, отличные аспиранты могут делать до трёх ошибок, хорошие — до пяти, а те, кто послабее — и больше. Из результатов видно, что это упражнение не является для аспирантов слишком лёгким и, поэтому, бесполезным, а значит, может быть с успехом использовано для развития их навыков письменной речи на английском языке.

Развитие навыков письменной речи имеет большое значение не только в группах подготовки к сдаче кандидатского экзамена, но также и в подготовительных группах, в которых основное внимание уделяется изучению грамматики. Обучающиеся в таких группах страдают от того, что на первых этапах не видят, что написано в тексте, читают не то, что есть в тексте, не знают написания слов и часто основ грамматики. Хорошим заданием в таких группах могло бы быть написание аннотации английского текста (после его перевода на занятия на русский язык), используя исключительно язык самого текста, путём его сокращения и упрощения. Это позволяет избежать большого количества ошибок, активизирует внимание аспирантов при работе с английским текстом, тренирует все разделы грамматики и приучает учащихся к работе с текстом в целом.

Развитие навыков письменной речи в аспирантских группах, какие бы формы оно ни приобретало, должно быть составной частью учебного процесса.

Литература

- Рубцова М.Г. Полный курс английского языка. 4-е изд. М.: Астрель, АСТ, 2010.
- Шахова Н.И. и др. Learn to Read Science. 5-е изд., испр. М.: Флинта, Наука, 2004.
- Широкова Г.А. Практическая грамматика английского языка. М.: Флинта, Наука, 2013.
- Azar Betty Schramper. Understanding and Using English Grammar. 3d ed. Longman, 2002.

Foley Mark & Hall Diane. Advanced Learners' Grammar. Longman, 2003.

Hewings Martin. Advanced Grammar in Use. Cambridge Un. Press, 2005.

Developing writing skills in English with PhD students

M.M. Sizov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

The paper discusses the author's experience of developing writing skills in English with PhD students. Emphasis is placed on the English-language phenomena most important for the course.

Keywords: writing skills, linguistic text analysis, translation, languages comparison.

Обзоры. Рецензии

Book Reviews and Common References

DOI: 10.37892/2218-1393-2021-14-1-121-129

Рецензия на учебно-методическое пособие Г.А. Широковой «Готовимся к экзамену кандидатского минимума по английскому языку. Экспресс-курс». М.: Флинта, 2020, 205 с.

Н.М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Название Пособия Галины Алексеевны Широковой полностью отражает его направленность и содержание. Рецензируемое Пособие предназначено для аспирантов и научных сотрудников, готовящихся к сдаче экзамена кандидатского минимума по английскому языку.

Данная направленность и данное содержание определены структурой кандидатского экзамена по иностранному языку, которая сводится к следующему.

1. Письменный перевод оригинального текста по специальности. Объем 2500 — 3000 печатных знаков. Время выполнения работы — 60 минут.
2. Устный перевод оригинального текста по специальности. Объем 1000 — 1500 печатных знаков.
3. Устное реферирование научно-популярного текста на иностранном языке.
4. Беседа на иностранном языке с экзаменаторами по вопросам, связанным с темой исследования аспиранта.

Эта направленность определила структуру книги, состоящей из четырех частей: часть I «Повторяем грамматику», часть II «Запоминаем лексику», часть III «Учимся реферировать научно-популярные тексты на английском языке», часть IV «Беседуем о научной работе на английском языке».

Первая часть книги, в которую включены четыре раздела, является кратким грамматическим справочником. В разделе «Основные грамматические трудности перевода»

автор дает четкое и лаконичное описание грамматических явлений, вызывающих затруднения в понимании и переводе английской научной литературы.

Материал доходчиво иллюстрирован на примерах. Всего представлена 41 тема, например, тема посвящена множественному числу заимствованных существительных, тема 18 — сложным формам инфинитива, темы 23, 24, 25 — инфинитивным конструкциям.

Кроме типичных трудностей автор приводит особенности перевода форм единственного и множественного числа некоторых имен существительных (см. тема 5, стр.13):

consideration — рассмотрение, анализ; *considerations* — соображения;

development — развитие; *developments* — достижения, открытия.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть важность, которую представляет тема, посвященная роли запятой в английском предложении (тема 41, стр.58). Так, автор приводит правила использования запятой в простом и сложноподчиненном предложении, уделяя особое внимание придаточным определительным.

Например, на стр.60 читаем: «4) придаточные предложения определительные отделяются запятой, когда они по своему смыслу относятся ко всему предложению в целом и содержат комментарий или выводное суждение автора; союз *which* при этом переводится словом ‘что’.

He said nothing, which made me angry. Он ничего не сказал, что меня рассердило.

Во втором разделе дается информация о многозначных и многофункциональных словах, вызывающих значительные трудности при переводе английского текста на русский язык. Такие слова могут иметь разные значения в зависимости от контекста и от выполняемой ими синтаксической функции в предложении. Эти слова представлены по алфавиту: *as, be, but, do, for, have, it, once, one, should, since, that/those, there, well, with, would*. При этом автор приводит наглядные примеры с переводом на русский язык. Например, глагол *have* (стр. 68):

1. Смысловый глагол ‘иметь, обладать’.

They have all the information. У них есть вся информация.

2. Вспомогательный глагол для образования всех времен перфектной группы.

They have used this technique since 2019. Они используют этот метод с 2019.

3. Эквивалент модального глагола *must* с последующим инфинитивом.

They had to admit that. Им пришлось признать это.

4. Смысловый глагол со значением ‘заставлять’.

They will have him repeat the experiment. Они заставят его повторить этот эксперимент.

5. Побудительный глагол (действие совершается по побуждению какого-либо лица).

We had the data checked. Нам проверили эти данные.

Третий раздел посвящен словообразованию. Автор совершенно прав, уделяя внимание этому разделу грамматики. Известно, что даже при хорошей языковой подготовке повторение правил словообразования способствует общему пополнению словарного запаса учащегося. В этом разделе приводятся перечни слов, образованных путем конверсии, при помощи изменения ударения, чередования звуков, аффиксации. Примечательно, что автор дает не просто список префиксов, но и их значения. Например:

<i>co- + n/v</i>	совместность действия	<i>cooperation — сотрудничество</i> <i>to coexist — сосуществовать</i>
<i>counter- + n/v</i>	противоположное или обратное действие	<i>counterattack — контратака</i> <i>to counteract — противодействовать</i>
<i>de- + v/n</i>	обратное действие, отделение,	<i>decode — декодировать</i>

	уменьшение	<i>decolouration</i> — <i>бесцветивание</i>
<i>dis-</i> + <i>v/n/a</i>	отрицательное или противоположное действие	<i>disappear</i> — <i>исчезать</i> <i>disconnection</i> — <i>отсоединение</i>

В четвертом разделе приводятся тренировочные упражнения по основным грамматическим темам. Каждое упражнение состоит из десяти предложений, предназначенных для перевода с английского языка на русский. Все упражнения унифицированы по грамматическим явлениям, которые представлены в определенном порядке; в скобках указана тема, к повторению которой следует обратиться при возникновении трудности перевода. К упражнениям даны ключи, которые позволяют не только проверить правильность перевода, но и проанализировать результаты усвоения материала.

Часть II «Запоминаем лексику» посвящена изучению и повторению лексики, характерной для научной прозы. В первом разделе приводится необходимый лексический минимум: слова и словосочетания, наиболее употребительные в современной английской и американской научной литературе как в естественнонаучной, так и гуманитарной областях знаний. Приведенная общенаучная лексика подлежит усвоению с целью пополнения и расширения словарного запаса учащегося. Общенаучная лексика представлена в алфавитном порядке по первому слову соответствующего словосочетания.

Во втором разделе второй части дается список вводных слов и выражений. В этом разделе приводятся 82 единицы вводных слов, например, такие как:

Accordingly — *исходя из этого*

Additionally — *кроме того, сверх того, дополнительно*

Admittedly — *надо признать, что*

Furthermore — *кроме того; к тому же; более того*

Regrettably — *к сожалению*

Undoubtedly — *несомненно, по всей вероятности.*

Кроме того, автор приводит 144 вводные конструкции, такие как:

In summary — таким образом; в заключение; итак; подводя итог

In the final analysis (in the long run) — в конечном счете

In the foreground — на переднем плане

In the background — на втором (на заднем) плане

In this respect — в этой связи; в этом отношении; по этому вопросу

In this way — таким образом; тем самым

It has been conjectured — было высказано предположение

It is argued — утверждается; высказывается мнение

Третий раздел посвящен «ложным друзьям переводчика».

В четвертом разделе представлены слова, схожие по звучанию и/или написанию, но имеющие разные значения. При этом типичные ошибки наблюдаются, например, в следующих случаях (см. стр.137):

accept (v) и except (prep);

access (n) и assess (v);

addition (n) и edition (n).

Часть III «Учимся реферировать научно-популярные тексты на английском языке» состоит из четырех разделов и адресована, в первую очередь, тем из учащихся, кто утратил или вообще не имеет навыков говорения на английском языке. Автор приводит методические рекомендации по формированию и развитию у учащихся навыка неподготовленной монологической речи. Примечательно, что предложенные учебные алгоритмы, состоящие из последовательного выполнения заданий, дают возможность учащимся работать с Пособием самостоятельно. Так, в первом разделе приводятся тексты и алгоритм для тех, кто не имеет устойчивого навыка реферирования, во втором — для среднего уровня подготовленности, а в третьем даны тексты для самостоятельной подготовки к устному реферированию английского текста. Четвертый раздел содержит схему реферирования с выражениями-клише, такими, как, например:

The main/central idea/theme of the text is...

The text focuses on...

The text tells us about/touches upon some problems of...

The author says/writes/stresses/outlines/points out that...

The author describes/discusses some problems of...

I'd like to note/point out/stress/add that...

I'd like to pay attention to the fact that... и многие другие.

Часть IV «Беседуем о научной работе на английском языке» посвящена подготовке учащихся к беседе о своей исследовательской деятельности и научных интересах. В данной части приводится примерный план беседы и наиболее типичные вопросы, задаваемые на экзамене. Предлагаемые возможные варианты ответов в виде готовых конструкций и фраз представляют собой речевые «заготовки», в которых вместо многоточия следует вставить нужную информацию. Готовые речевые конструкции и клише позволяют работающим с этой книгой не только успешно подготовиться к беседе по теме проводимого исследования, но и создать рассказ-представление о своем образовании, специальности, сфере научных интересов, направлении исследования, научном руководителе, теме диссертации и практическом применении результатов исследования.

Так, на стр. 187—188 в разделе 2. *The field of your research* автор Пособия приводит возможные вопросы по этой теме:

What can you say about your Ph.D. project? What field of science are you doing research in? What does your research focus on? What does your scientific work deal with? What is the subject-matter of your thesis? What problems are you going to touch on in your thesis/dissertation? What are you going to prove in the course of your research? How long have you been working at this subject? Is your research theoretical or practical?

Затем учащимся предлагаются варианты ответов и речевые клише, например, такие:

My research deals with ...

My current research is connected with my Master's thesis.

I am doing research in the field of...

I got interested in the subject when a Master' degree student.

My Ph.D. project deals with the problem concerning...

The subject-matter of my thesis/dissertation is....

The field of science I major in is...

I am engaged in the study of...

Special account/attention in my research is given to....

This problem requires a detailed study of...

В пособие включены следующие приложения:

1. Наиболее употребительные слова и выражения, заимствованные из латинского языка. Всего представлено 100 единиц, например: *ab initio*, *ab intra*, *ab ovo* и многие другие.

2. Перечень использованных грамматических терминов английского и русского языков. Данное приложение, несомненно, очень полезно. Надо сказать, что многие аспиранты и научные работники, занимающихся в группах по подготовке к кандидатскому экзамену по английскому языку, являются выпускниками естественнонаучных и технических факультетов университетов и, к сожалению, многие забыли такие термины, как деепричастие, перфектный инфинитив, совершенный вид. Автор объясняет их на примерах: деепричастие — *слушая, прослушав*; перфектный инфинитив — *to have written*; совершенный вид — *написал* (что сделал?) и т.д.

Необходимо отметить, что важным фактором усвоения такого большого объема учебного материала является то, что рецензируемое Пособие представляет собой *компактное* практическое руководство. Предложенная автором методика подготовки к экзамену полностью оправдывает подзаголовок книги «Экспресс-курс».

Немаловажным является и тот факт, что материалы, представленные в пособии, прошли длительную апробацию в ходе работы автора и его коллег с аспирантами и научными сотрудниками ряда институтов Российской академии наук.

Необходимо также отметить интегрированность рецензируемого Пособия с другими работами автора, также посвященными обучению аспирантов и научных работников английскому языку.

Что касается критических замечаний, то хотелось бы высказать их в форме пожеланий. Для работы такого направления хорошо было бы иметь *рабочий план*, в котором было бы показано следующее: количество часов, выделяемое на развитие различных видов речевой деятельности, виды контроля или самоконтроля за усвоением учебного материала и т. д.

В заключение считаю необходимым подчеркнуть следующее.

Поскольку данное Пособие создано на основе общенаучной лексики, оно может быть успешно использовано в качестве:

- основного учебного материала в группах аспирантов и научных работников независимо от их специальности;
- самоучителя для подготовки к кандидатскому экзамену;
- лексико-грамматического справочника;
- учебного пособия для повторения материала перед экзаменом;
- дополнительного учебного материала для студентов и магистрантов с целью совершенствования и закрепления знаний по английскому языку.

С учетом вышеизложенного необходимо сказать, что рецензируемое учебно-методическое Пособие отвечает всем требованиям программы по подготовке к кандидатскому экзамену по английскому языку. Структура Пособия способствует решению таких задач, как:

- 1) изучение наиболее сложных явлений грамматики и лексики английского языка, типичных для научного текста;
- 2) развитие навыков понимания и перевода научного текста;
- 3) формирование и совершенствование навыков устного реферирования научно-популярного текста на английском языке;

4) развитие умения вести беседу по теме исследования.

В современных условиях дистанционного обучения рецензируемая книга имеет несомненную практическую значимость и явную мотивирующую ценность. Это подтверждается тем, что Пособие, вышедшее в свет первым изданием в апреле 2020-го года, в начале 2021-го года было издано вторым исправленным изданием.

Book Review. G. A. Shirokova. Gotovimsya k ekzameni kandidatskogo minimuma po angliyskomu yazyku. Ekspress-kurs. M.: Flinta, 2020. 205 s.

**N. M. Razinkina (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

Содержание

Проблемы описания языка

Бабенко Н.С. (Институт языкознания РАН). Речевые практики в немецко-язычном социуме эпохи Реформации в аспекте лингвоцентричности	4
Дронов П.С. (Институт языкознания РАН). Фразеология и паремиология во времена ковида: англоязычные пословицы в Coronavirus Corpus	16
Зотова А.К., Романова О.И. (Институт языкознания РАН). «Свой» среди «чужих», или Потенциал термина в системе (на материале терминологии новой версии базы данных «Языки мира» ИЯз РАН).....	27
Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН). Лингвоспецифичность единиц, выступающих в функции показателей интенсивности.....	49
Рябова И.С. (Институт языкознания РАН). Местоименные наречия локативной и темпоральной семантики в языке дабида (банту).....	99

Проблемы преподавания языка

Сизов М.М. (Институт языкознания РАН). О развитии навыков письменной речи на английском языке в аспирантских группах.....	109
--	-----

Обзоры. Рецензии

Разинкина Н. М. (Институт языкознания РАН). Рецензия на учебно-методическое пособие Г.А. Широковой «Готовимся к экзамену кандидатского минимума по английскому языку. Экспресс-курс». М.: Флинта, 2020, 205 с.....	121
---	-----

Об авторах

Бабенко Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН; e-mail: babenkons@iling-ran.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова Института языкознания РАН; e-mail: dronov@iling-ran.ru.

Зотова Анастасия Кирилловна, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: zotova@iling-ran.ru.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@list.ru.

Романова Ольга Иосифовна, научный сотрудник сектора ареальной лингвистики Института языкознания РАН; e-mail: olga.romanova@iling-ran.ru.

Рябова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН; e-mail: irinaryabova@iling-ran.ru.

Сизов Михаил Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: mmsizov@mail.ru.